

М О Р Р А

С 2

Сказки
ВЕСЛОНОС

ЧУВАШСКИЕ
народные
СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

ЧУВАШИТСКИЕ
народные
СКАЗКИ

Обработка для детей
Н. Данилова и А. Нечаева

8

1 00'075 1

Рисунки
В. Милашёрского

Москва "Детская литература" ~ 1975

1 6 7 0 0 3
482

Чувашские народные сказки. Переизд. Обработ.
Н. Данилова и А. Нечаева. Рис. В. Милашевского.
М., «Дет. лит.», 1975.

127 с. с ил. (Школьная б-ка).

Чувашские сказки очень самобытны. В эту книгу войдут волшебные, бытовые сказки и сказки о животных.

Ч 70802—084
М101(03)75 310—75

С(Чув)2

На огромной карте Советского Союза Чувашия занимает совсем немного места, а на самом деле это большая и очень разнообразная по своей природе республика.

И чем только не богата Чувашия! В лесах её обитают лоси, бурые медведи, волки, барсуки, белки, зайцы. По берегам рек живут бобры, выхухоли, норки. В реках водится рыба: стерлядь, судак, лещ, щука, налим. Всюду много садов.

А в последние десятилетия в республике широко развилась промышленность.

В Чувашии много городов: Чебоксары, Алатырь, Мариинский Посад, Цивильск, Канаш, Шумерля и другие.

Чебоксары — столица республики. Старожилы помнят, как ещё четверть века назад город почти сплошь состоял из ветхих деревянных домишек. Сейчас Чебоксары — большой красивый город, с многоэтажными домами, театрами, библиотеками, широкими улицами, парками, скверами, в чудесном обрамлении Волги, на правом берегу которой он стоит.

В Чебоксарах родился Василий Иванович Чапаев. Земляки установили в своём городе прекрасный памятник легендарному герою гражданской войны.

Чуваши — небольшой, но очень одарённый народ. Среди них много инженеров, врачей, учёных, писателей, артистов. И, наконец, всему миру известно имя славного сына чувашского народа, одного из пионеров космоса — Андрияна Григорьевича Николаева.

История чувашей насчитывает многие столетия. Издавна их судьба связана с русским народом. Бок о бок с русскими крестьянами участвовали чувашаи в восстаниях Степана Разина и Емельяна Пугачёва. А в Октябре семнадцатого года русские рабочие и крестьяне помогли чувашам завоевать свободу.

Чуваши любят свои леса и реки, свои чудесные города, но они горячо любят и всю огромную Родину — Советский Союз.

...Безвозвратно ушло прошлое, но память о нём живёт в устном поэтическом творчестве народа. До революции большинство крестьян были неграмотными. Тогда в деревнях и сёлах не было, конечно, ни газет, ни кино, ни радио, ни клубов. Долгие зимние вечера люди коротали при свете тусклой лучины.

В такие часы велись бесконечные разговоры, вспоминались всякие случаи и происшествия, рассказывались разного рода предания, легенды и сказки.

Уставшие за день люди с удовольствием слушали диковинные истории и радовались тому, как ловко обманывал юноша-бедняк жадного богача, как отважный богатырь разделялся со злым волшебником.

Сказки глубоко трогали ум и сердце, учили, как надо и как не надо поступать в жизни. А сказитель, мудрый и смелый, всегда готовый прийти на помощь бедняку, сам становился сказочным героем в воображении слушателей.

Искусство сказителя передавалось по наследству от отца к сыну, от деда к внуку. Из уст в уста, из поколения в поколение кочевала сказка.

Бытуя в народе, сказка воспитывала любовь к сво-

боде, призывала наказывать всякое зло и славить добро.

Таковы Кехермен-кетил, победивший злого волшебника, солдат Иван, который силой своего ума и с помощью добрых людей принёс добро жителям родной стороны, «и зажили все припеваючи».

Отчего же в жизни было одно, а в сказках другое? Да оттого, что сказки создавались народом, а народ всегда верил в свои силы, в победу добра над злом.

Чувашские сказки незатейливы по форме. Но любая из них, о чём бы она ни рассказывала, полна са-мобытной поэзии, отражает быт и мировоззрение на-рода, полна светлой веры в человека, в победу добра над злом.

Много потрудились чувашаи для того, чтобы мечты народа стали действительностью, и больше того — чтобы жизнь превзошла мечту.

ЮМАН-БАТЫР

Когда-то давным-давно за семьюдесятью семью морями жили старик со старухой. Был у них большой фруктовый сад. В саду росли золотые яблоки. И всего у старика со старухой было вволю. Жить бы да радоваться. Но не было детей, и о том они очень тужили.

Как-то раз весенней порой пошёл старик к дальнему лесному озеру рыбки половить. Стёжками-дорожками сквозь дремучий лес пробирался и вдруг увидал на дереве небольшую неведомую птицу. В то самое время, откуда ни возмись, камнем упал на птицу ястреб, вцепился в неё острыми когтями и ну теревить.

Пожалел старик птицу, схватил камень, бросил в ястреба и убил его. Взмахнула птица крыльями, взлетела на вершину дерева и заговорила по-человечьи:

— Спасибо, добрый старик, от смерти ты меня спас. Проси чего хочешь, всё исполнится по твоему хотенью.

— Ничего мне не надо. Всего у нас со старухой вволю. Вот только нет у нас ни сына, ни дочери.

— Не кручинься, — сказала птица. — Ступай отсюда на восток. Увидишь дуб-великан — вершиной в небо упирается. На самой макушке этого дуба есть гнездо. Возьми из гнезда два яйца, дома укрой их получше и держи в тепле двадцать один день.

Проговорила это птица, снялась с ветки и улетела. А старик пошёл, куда она ему велела.

Издали увидел высоченный дуб, подошёл ближе, глянул на вершину — шапка с головы упала. «Ну как я доберусь до гнезда? Глядеть и то страшно», — подумал старик.

В ту самую минуту слетела с вершины дуба голубка, села наземь, и выкатилось у неё из-под правого и из-под левого крыла по яичку.

— Прими, добрый человек, наш лесной подарок! — проворковала голубка и улетела.

Только успел старик уложить яйца за пазуху, как очутился в своей деревне.

— Чего так скоро воротился? — встретила его старуха.

Рассказал старик, что с ним в лесу приключилось, положил яйца в лукошко с шерстью, а лукошко поставил на печь.

На двадцать первый день лопнуло одно яичко, и показался человечек ростом с кочедык¹. Старик со старухой обрадовались:

— Назовём нашего первенца Свертибáшем!

В скором времени треснула скорлупа и у другого яичка, и выскочил человечек ростом всего с рукоятку кочедыка. Засуетилась, захлопотала старуха:

— А этого сынка как наречём?

— Гнездо-то, откуда голубка яйца принесла, на вершине дуба было свито, вот и назовём его Юманом².

Стали ребята подрастать. Свертибаш был непоседлив и

¹ Кочедык — инструмент для плетения лаптей.

² Юман — дуб (чувашск.).

большой обжора. Съедал всё, что ни попадалось под руку. Нередко и братнину долю съедал. Вырос он скоро и прослыл в деревне силачом.

Юман рос крепким и проворным, но ростом был невелик.

Когда сыновья выросли, родители сказали:

— Милые сынки, мы состарились, а вам пришла пора каждому своей семьёй обзаводиться, порадовать нас внуками. Поезжайте, по белому свету постранствуйте. Найдёте по уму, по сердцу хороших невест, станем свадьбы играть, пиры пировать. В пути-дороге дружите, один другого не обижайте. Помните этот наш совет, и будет наше благословение с вами. Тогда каждый найдёт своё счастье.

С теми словами старик пошёл в конюшню и вывел двух осёдланных коней. Один конь сытый и резвый, другой — смиренный и тощий, точно косарь.

— Выбирайте, кому какой нравится, — сказал отец.

Свертибаш тотчас вскочил на гладкого, резвого аргамака, а Юман сел на тощего коня, и покинули братья родительский дом.

Ехали они семьдесят семь дней. Тут Свертибаш остановился.

— Я сильно проголодался, — сказал он, — а родители дали нам в дорогу всего-навсего по три яблока.

— Так ведь яблоки эти не простые, а чудесные, — сказал Юман.

Свертибаш достал и съел все три яблока. А Юман к своим не притронулся.

После отдыха ехали ещё семьдесят семь дней. Кони из сил выбились, и сами молодцы притомились. Остановились на зелёном лугу. Пустили коней на траву-мураву, а сами крепко уснули.

Свертибаш проснулся первым, стащил потихоньку у спящего брата два яблока и съел. Хотел было и третье украсть, но как раз в ту минуту Юман проснулся, глядь, а яблок нет, и стал он брату пенять:

— Как не стыдно! Родители наказывали жить в мире и со-

гласии, друг другу во всём помогать, а ты вздумал яблоки красть!

Съел Юман половину последнего яблока и почувствовал себя бодрым и сильным. Другую половину яблока скормил коню, и конь сразу стал резвым и гладким.

И снова сели братья на коней. Ещё семьдесят семь дней продолжали путь и приехали в стольный город. В том городе у царя была дочь-красавица. Как узнал об этом Свертибаш, сказал брату:

— Ты поезжай куда знаешь, а я тут останусь и посватаю царевну.

— Ну, мне-то, как видно, в этом городе невесты не найти, — отвечал Юман, — а родители ведь не велели нам с тобой разлучаться.

✦ Отец с матерью от старости из ума выжили, — засмеялся Свертибаш, — и если все их прихоти исполнять, так нам придётся век холостыми-неженатыми ходить. Коли нет здесь тебе невесты, поезжай один, ищи свою долю, а я никуда отсюда не поеду.

Сколько ни уговаривал Юман брата, всё без толку. Потужил, погоревал он и уехал один из города.

Свертибаш расстался с братом и пошёл к знаменитой гадалке:

— Хочу жениться на царской дочери, а во дворец попасть никак не могу: стража не пропускает. Посоветуй, как высватать царевну!

— А что мне дашь за совет?

— Денег у меня нет. Отдам тебе своего коня.

И тут же привёл гадалке своего аргамака. Тогда гадалка сказала:

— Царевна ежедневно оборачивается лебедью и летает купаться в озере, которое находится в тенистом лесу. Там она снова обернётся девушкой и купается. Если сумеешь унести её лебединые крылья и одежду, а потом скажешь, что всё это ты отбил у вора, — половина дела сделана. Кроме того, дам тебе приворотное зелье. Посыпь одежду царевны вот этим порошком, и она навеки полюбит тебя.

На другое утро Свертибаш схоронился в кустах на берегу лесного озера и стал ждать. Около полудня прилетела белая лебёдушка, опустилась на песок, сбросила крылья, обернулась златокудрой девицей, скинула одёжу и стала купаться.

Свертибаш утащил лебединые крылья, посыпал приворотным зельем платье царевны, а сам отошёл чуть подальше и ждёт, что будет.

Выкупалась царевна, вышла на берег и не нашла ни крыльев, ни платья и горько заплакала:

— Ох, тошнёшенько! Какой злодей меня обездолил? Как мне теперь в таком виде на люди показаться?

Свертибаш как только услышал, что царевна заплакала, тотчас закричал, заругался:

— Ах, разбойник! Отдай всё, что украл! Всё равно не уйдёшь, не убежишь от меня...

И через малое время кинул из-за кустов одёжу и лебединые крылья:

— Одевайся, прекрасная царевна! Насилу отбил у вора твоё платье да крылья.

Царевна несказанно обрадовалась, скорым-скоро оделась и проговорила:

— Не знаю, как и благодарить тебя, мой спаситель! Выйди из кустов, покажись мне.

А Свертибашу того только и надо было. Вышел на берег, стал небылицу сказывать:

— Иду мимо озера и вижу, какой-то оборванец выскочил из кустов и тащит женскую одёжу и лебединые крылья. Закричал я на него, кинулся догонять, и еле удалось отнять.

Глянула на него прекрасная царевна, а приворотный порошок уж подействовал. И кажется ей, что краше этого молодца никого на свете нет. Смотрит на Свертибаша, глаз отвести не может.

— Кто ты есть и откуда, добрый молодец? — спросила она под конец.

— Я королевич, — повёл обманную речь Свертибаш. —

Докатилаь молва до нашего королевства о твоей несказанной красоте, и приехал я по доброму делу, по сватовству. Пойдѣшь за меня замуж, прекрасная царевна?

— Я-то с радостью пойду за тебя, да вот не знаю, согласятся ли отец с матерью. Ну да ты не тужи, не печалься. Я ведь единственная дочь у них. Родители мне никогда ни в чём не отказывали, а уж коли заплачу — нипочѣм не откажут.

С теми словами подхватила она под руку Свертибаша и привела во дворец прямо к царю:

— Вот мой суженый! Благословите, батюшка, выйти за него замуж.

Царь сперва рассердился, ногами затопал, корону набок сдвинул:

— Век тому не бывать, чтобы мы породнились с каким-то неведомым проходимцем!

— Не проходимец он, а королевский сын, — сказала царевна и принялась так громко кричать и плакать, что царь уши заткнул.

На крик сбежались нянюшки, мамушки. Прибежала и сама царица.

— Что тут делается? — закричала она.

А как узнала, что дочь суженого привела и отец противится, сама заплакала, стала царю выговаривать:

— Где это видано, где это слыхано, чтобы родной отец своё дитя обижал? Дочь жениха по сердцу нашла, домой привела. Другой бы на твоём месте радовался, а ты, бесчувственный, нашу дочушку до слѣз довёл и сидишь как пень!

— Да замолчите вы! — Царь рукой махнул. — Делайте, как знаете!

Царица с царевной слѣзы осушили, принялись хлопотать. Жениха напоили, накормили. Потом царь сказал:

— Велите запрячь пару коней в хороший тарантас. Пусть жених повезёт невесту к богоданным родителям, к своему отцу с матерью. Там и уговорятся, когда станем свадьбу играть, пир пировать.

Привёз Свертибаш царевну домой:

— Нашёл я себе невесту. Любá ли она вам, родители, а мне лучше её на всём белом свете не сыскать.

— Это-то хорошо, сынок, что ты невесту себе высватал. А где же брат твой Юман? — спросил старик.

— Не хотелось мне с братом расставаться. Уговаривал его не разлучаться, но не послушался он меня. Очень Юман своёвольный. Не сказавшись, скрылся, уехал потихоньку неизвестно куда.

Посуrowел старик, но промолчал.

— Спрашивают родители невесты, когда свадьбу станем играть, — проговорил Свертибаш.

— Когда Юман вернётся, тогда и станем о свадьбе говорить, — ответил старик.

А Юман той порой ехал всё дальше и дальше и в пути-дороге совсем отошáл. Заехал он в глухой, тёмный лес. Остановил коня возле огромного, развесистого дуба. И тут, откуда ни возмись, появился перед ним седой старик.

— Кто ты есть, добрый молодец? Куда путь держишь? — ласково спросил он.

Рассказал Юман, кто он и куда едет.

— Вот ты кто! — сказал обрадованно старик. — Ведь ты, значит, внучек мой!

И тут же повёл седой старик Юмана в избу, накормил, напоил.

— Ложись отдыхай, а завтра обо всём поговорим.

— А конь мой как же? — спросил Юман. — Не кормлен, не поен он.

— О коне не беспокойся. Накормлю и напою и от непогоды укрою.

На другое утро пробудился парень, а дед уж не спит:

— Давай завтракать, потом покажу тебе своё хозяйство.

После завтрака повёл гостя по разным покоем. По одиннадцати провёл, а в них всякого добра полным-полно. Открыл двери в двенадцатый покой. Зашёл туда Юман, да так и обомлел. Стены уставлены двенадцатью зеркалами. В одном

видны все моря и океаны, в другом все реки земные, в третьем зеркале видится небесная высота, в четвёртом — подводная глубина, в пятом — все рыбы речные, озёрные и морские, в шестом — все гады ползучие, в седьмом — звери рысучие, в восьмом — птицы, какие есть на земле, в девятом — люди разных стран и наречий. Одним словом, в эти зеркала было видно всё, что есть на земле, под землёй, на воде и под водой, в небесной вышине и в человеческой душе.

А когда взглянул Юман в двенадцатое зеркало, то так и ахнул. Смотрела на него девица — ненаглядная красота — и будто что-то говорила Юману.

Долго он стоял перед двенадцатым зеркалом. Потом, очнувшись, спросил деда:

— Кто эта прекрасная девица?

— Это Уга́, — ответил старик.

— Краше её не было и нет на всём белом свете, — сказал Юман. — Высватай за меня эту девушку!

— Если смотрела Уга на тебя в зеркале приветливо, это добрый признак. Но знай, что высватать её очень трудно.

— Чего бы ни стоило, не отступлюсь. Лучше живу не быть, чем без милой жить, — ответил Юман.

— Будь по-твоему, слушай, что тебе скажу. Дам я тебе ружьё, и научись перво-наперво стрелять без промаха. Когда пойдёшь свататься, это пригодится.

Поблагодарил Юман старика за ружьё, воротился домой и стал каждый день ходить на охоту. Через год научился так метко стрелять, что бил по любой цели без промаха и столько приносил дичи, что хватало и старикам родителям, и Свертибашу с невестой.

Отцу с матерью Юман сказал:

— Невесту я себе нашёл. Скоро пойду свататься.

А Свертибаш над братом посмеивался:

— Ездил, ездил без толку да и опять приедешь ни с чем.

Вернулся как-то раз Юман из лесу усталый, лёг спать и увидел во сне Угу.

«Стал ты теперь лучшим стрелком, — говорила она. — И если не побоишься трудов и опасностей, приходи ко мне,

и буду я тебе верной и любящей женой. Но помни: в пути придётся тебе износить три пары железных сапог, истратить три железных посоха да три железных колобка».

Сказала так Уга и исчезла. Тут и проснулся Юман. Проснулся и пошёл в кузницу. Сковал ему кузнец три пары железных сапог, три железных посоха и три железных колобка.

Вскинул Юман ружьё на плечо и отправился в дальнюю дорогу. Шёл долго ли, коротко ли, близко ли, далёко ли, сапоги железные не изнашиваются, посохи не истираются, и колобки железные целым-целёхоньки.

В ту пору зашёл добрый молодец в дремучий лес, и повстречался ему в том лесу человек:

— Нет ли у тебя дорожных припасов, паренёк? — спросил он Юмана. — Голод меня измучил и жажда истомила.

У Юмана оставался всего один сухарь да несколько капель воды. «Всё равно ненадолго мне этих припасов хватит», — подумал он и подал прохожему сухарь и воду.

— Вот всё, что у меня осталось.

Взял прохожий сухарь и воду, поблагодарил Юмана:

— Вижу — к беде людской да к горю ты отзывчивый, и хочется мне чем-нибудь помочь тебе. Возьми вот эту сумку. Когда трудно придётся, открой её, и, может статься, выручит она тебя.

Сказал так прохожий человек и скрылся в лесу. А Юман дальше пошёл.

Навстречу выскочила лиса. Прицелился Юман, спустил курок, и перевернулась лисица, упала. Смотрит Юман: что такое? Одна пара железных сапог прохудилась, один посох железный по рукоять избился, и один колобок железный на мелкие крошки рассыпался.

Прошёл ещё несколько вёрст, вдруг выскочил из кустов матёрый волк, зубы оскалил. Юман выстрелил, и закувыркался, забился волк на земле. Тотчас же другая пара сапог развалилась, второй посох и колобок рассыпались.

Прошёл Юман мимо волка, не оглянулся. И тут вдруг из-за дерева высунулся огромный медведь, заревел и бросился

на Юмана. Прицелился молодец, выстрелил прямо в пасть медведю и убил его наповал. В ту же минуту последняя пара железных сапог прахом пошла, последний железный посох и железный колобок в пыль рассыпались.

И тут почувствовал Юман смертельную усталость, лёг и уснул крепким сном. Сутки спал беспробудно и проснулся от голода и жажды. Пошарил, поискал, ни крошки еды, ни капли питья не нашёл и вспомнил: «Эх, да ведь и сухарь и последние капли воды отдал я прохожему человеку». Заметил около себя сумочку, которую дал ему странник. «Помнится, говорил он будто что-то про эту сумочку», — подумал так и открыл её. В сумочке ничего, кроме платка, не было. Вынул платок и легонько встряхнул его. И в то же мгновение расстелилась перед ним скатерть-самобранка. А на скатерти всяких кушаний и напитков полным-полно. Пей, ешь, чего только пожелаешь.

Напился, наелся Юман вволю, встряхнул платок ещё раз — ни скатерти, ни пищи, ни питья не стало. «Вот это подарок!» — подумал он и стал платок убирать в сумочку, да нечаянно уронил его наземь, и вдруг, откуда ни возьмись, повалило войско: солдаты с ружьями, с саблями идут, в барабаны бьют, музыка играет, и знамя по ветру полощется. А командир спрашивает:

— С кем, хозяин, воевать приказываешь?

— Воевать сейчас ни с кем не надо, — сказал Юман.

Поднял он с земли платок, и пропало всё войско, будто его и не бывало. «Это мне может пригодиться», — подумал Юман и убрал платок в сумочку.

Стал путь продолжать. Лес скоро кончился, пошли густые кустарники, а вдали виднеется поле. Пробирался он через кустарник, пробирался, и вдруг... земля под ним расступилась, и провалился молодец в глубокую пропасть. Летел-летел вниз и наконец упал на дно пропасти. Посмотрел вверх — небо ему величиной с копейку показалось.

Тут заметил он проход в земляной стене: «Дай пойду по этому проходу». Скоро проход стал расширяться, и оказался Юман в незнакомом мире. Вдали горы теснились, росли по

склонам гор невиданные деревья, а в низине расстилались луга с диковинными цветами и неведомыми травами в рост человека. По луговине река текла.

По другую сторону реки увидал дом. Перебрался через реку, подошёл к дому. Дверь была не заперта. В первой же чисто прибранной горнице сидела девушка-красавица. Пригляделся Юман и узнал в этой красавице свою Угу. В то мгновение и девушка заметила молодца, узнала его и кинулась навстречу:

— Наконец-то дождалась я тебя, мой суженый! Не знаю только, на радость или на неизбывное горе встретились мы. Много лет томлюсь я в плену у двенадцатиглавого змея. Он похитил меня из родительского дома, держит в заточении и требует, чтобы я вышла замуж за его племянника, злого волшебника. Ты спрячься: скоро чудовище воротится домой и тогда не быть тебе живому.

— Не тревожь себя, — проговорил Юман, — ведь за тем сюда и шёл, чтобы тебя выручить.

— Ох, чую — змей возвращается, — забеспокоилась Уга, — стань хоть вот за печку!

Не успел Юман заскочить за печь, как зашумело всё кругом и с грохотом, со страшным свистом влетел змей. Дом так весь ходуном и заходил.

— Фу-фу-фу! — закричал змей. — Что это тут земным человеком пахнет?

— Да, видишь, зашёл какой-то прохожий, — промолвила Уга. — Крепко, видать, притомился и лёг отдохнуть.

— Вот я его сейчас и съем!

— Не трогай гостя! Ведь это мой родной брат.

Юман вышел из-за печки:

— Съесть ты меня успеешь, а сейчас я накормлю тебя моими дорожными припасами. Таких кушаний да напитков ты век не пробовал.

С теми словами достал из сумочки платок, встряхнул; и появилось такое множество разнообразных кушаний и напитков, что змей от удивления пасть разинул. Сколь ни прожорлив был змей, сколько ни пил, ни ел, на скатерти-хлебосол-

ке убыли не было. Наконец отвалился змей от стола и говорит:

— Отдай мне эту диковину!

— Если меня не тронешь, отдам, — посулил Юман.

— Не трону, не трону! — закричал змей так, что стёкла из окон вылетели.

Выспавшись после обеда, змей созвал в гости всю свою родню. Собрались разные чудища: многоголовые змеи, гады и страшилища со всех краёв. Набился полон дом гостей.

— Давай свою диковину, поскорее припасай угощение! — торопит змей.

Выхватил Юман платок и кинул наземь. Тотчас появилось несметное войско.

Спрашивает главный командир:

— Кого, хозяин, бить-воевать надобно?

— Бей, руби на мелкие куски всю эту нечисть! — приказал Юман.

Принялись солдаты стрелять и рубить саблями, и через недолгое время ото всех змей и гадов осталось одно крошево.

Сунул Юман платок в сумочку, и всё войско исчезло.

— Ну, теперь можно нам, Уга, отсюда уходить.

— Нет, — сказала Уга, — так их здесь оставлять нельзя. Они оживут, и нам беды не миновать. Чтобы навсегда избавиться, надо их сжечь.

Наносили они дров, подожгли дом, а сами убежали на улицу.

Достала Уга из кладовой ковёр-самолёт, расстелила на дворе и говорит:

— Садись ко мне, и через несколько часов мы попадём в твою деревню.

Сел Юман с ней рядом, взвился ковёр-самолёт, вынес их на белый свет и в скором времени опустился прямо в то самое селение, откуда был родом Юман.

Старики родители встретили их хлебом-солью.

— Вот теперь можно и свадьбы играть, — молвил ста-

рик. — Готовьте всё к свадебному пиру, а я стану гостей созывать.

У Свертибаша и у его невесты всего было вволю. Напекла, наварила царевна великое множество разных кушаний и села вышивать свадебные подарки старикам родителям и ближней родне.

А у Юмана с Угой нет ничего. Опустил молодец голову запечалился.

— Не вешай головы, — утешает Уга, — на поклон ни к кому не пойдём, всё сами справим, как надо.

И вот уже стали гости съезжаться. Приехали и царь с царицей — родители Свертибашевой невесты. Наступил канун свадебного пира.

— Ложись, Юман, спать, а мне надо приготовить всё, что требуется.

В полночь Уга вышла на крыльцо, перебросила с руки на руку волшебный перстень и проговорила:

— Собирайтесь, слетайтесь, мои верные помощники! Напеките, наварите всяких кушаний, чтобы было чем гостей угощать! Мёду, пива наставьте, вина накурите да подарки припасите для отца с матерью и для всех гостей!

Тотчас кухня и кладовая наполнились кушаньями, напитками и множеством разных ценных подарков.

На другой день начался свадебный пир.

Сперва Свертибаш со своей невестой столы накрыли и принялись угощать гостей. Угощения хватило только для самой близкой родни.

— Счётом маловато и на вкус небогато, а червячка заморить можно, от нужды сойдёт и это угощение, — молвил старик отец, когда отведал угощений Свертибашевой невесты.

Затем пригласили гостей за столы, накрытые Угой. И оказалось, так много всего наготовлено, что хватило не только на ближнюю родню. Угощали даже тех, кто пришёл только посмотреть на свадьбу.

— Отродясь так вкусно не пил, не ел! — похвалил отец

Угу. — Накормила, напоила всю округу, и так много осталось, что можно ещё хоть два свадебных пира справить!

Потом невесты стали родителям подарки подносить. Свертибаш с царевной подарили родителям шёлковые наряды. Весь народ ахнул от удивления.

— Не стыдно нам со старухой в такой справе будет на сенокос идти. Видно, что невеста рукодельница, — похвалил подарки отец.

А когда Уга поднесла отцу с матерью подарки, все остолбенели.

— Эдакого дива век не видано! — шумел народ.

Отец с матерью и все гости не могли оторваться и глядели на наряды, словно из солнечных лучей сотканые.

— Такие наряды только по самым большим праздникам носить, — вымолвил старик. — Такой рукодельницы в наших краях не видано, не слыхано!

А Свертибаш со своей невестой чуть не лопаются от зависти.

В ту пору стала царица убиваться, плакать:

— Королевским сыном сказывался, обманул! Для того ли мы нашу единственную дочь растили, берегли да холили, чтобы за мужика-лапотника замуж выдать? Не хочу своё родное дитя в мужицкой семье оставлять!

Хмельной царь ещё пуще куражится:

— Я спервоначалу говорил, что он не королевский сын, а проходимец. Вот и вышло по-моему! Эй, стража! Хватайте обманщика, куйте в железо, отвезите в город и сдайте в солдаты! Там ему прибавят ума.

Подхватили стражники Свертибаша, сковали ему руки-ноги и увезли в город. Сдали в солдаты.

Сколько ни плакала, ни голосила царевна, царь с царицей не вняли её слезам. Посадили они дочь в карету и увезли в стольный город.

Старик, на всё это глядя, сказал:

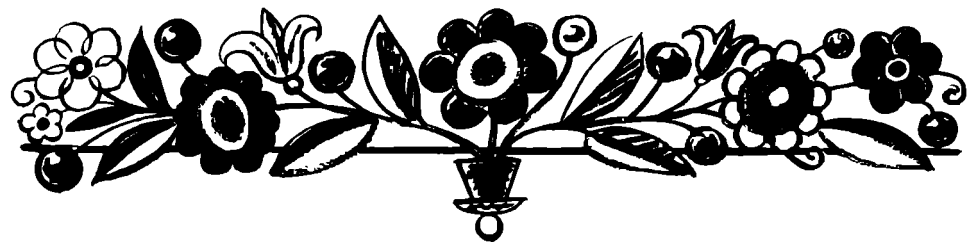
— А и всяк молодец на сем свете женится, да не всякому женитьба удаётся. Не удалась женитьба Свертибашу, кото-

рый неправдой жить норовил. Не горюй, не плачь, старуха! Не в могилу Свертибаша проводили. Пусть солдатского житья-бытья отведает. Чужедальняя сторона авось прибавит ума. Остались у нас сын Юман и мудрая невестка Уга. Есть кому нашу старость поконить.

Юман с Угой после свадьбы принялись вести хозяйство, и так у них пошло всё споро да ладно, что не только старики родители, а все люди глядели на них да радовались.

Сказка с загадкой, а лжи ни слова.

КЕХЕРМЕН-КЕТИЛ

У старика со старухой росли два сына. Старшему, Кехитрану, было двенадцать лет, а младшему, Кехермен-кетилу, — всего полтора года.

Выбежали как-то раз братья на улицу поиграть. Вдруг неожиданно-негаданно налетел Вихорь. Закружил, завертел всё кругом, подхватил и унёс Кехермен-кетила в царство Пери.

В том царстве Кехермен-кетила взял на воспитание царь Пери. Стал парень расти не по дням, а по часам. И скоро вырос выше девяти аршин, в плечах косая сажень, и сила в нём была непомерная.

Все дети царства Пери боялись богатыря Кехермен-кетила. Когда он выходил на улицу, сверстники разбегались и издали кричали:

— Не станем мы с тобой играть, человеческий сын! Уходи от нас!

Кехермен-кетил сердился за такие речи на ребят царства Пери и, когда удавалось кого из них поймать, бил и обижал их.

Родители пожаловались царю Пери:

— Твой приёмыш, сын человеческого, житья не даёт нашим детям, бьёт ребят, калечит. Уйми его либо отправь куда-нибудь из нашего царства.

«Экая беда с этим Кехермен-кекилом, — подумал царь, — надо как-то от него избавиться. Напрасно я тогда принял парня». Думал, думал царь и придумал. Говорит приёмышу:

— Не пристало тебе, такому богатырю, с малыми ребятами играть! Сделай шар да клюку, коли можешь, и играй с моими солдатами.

Кехермен-кекил тому рад-радехонек. Пошёл в лес, вырвал с корнями два многовековых дуба. Из одного сделал огромную, тяжёлую клюку, а из комля другого дуба вытесал такой большой шар, что впору только двум силачам поднять. Вышел на улицу и закричал:

— Выходи, кто хочет со мной шар гонять!

Послал царь двадцать отборных силачей солдат и наказал им:

— Играйте с Кехермен-кекилом и помните: сила у него непомерная и надо вам его во что бы то ни стало обыграть. Коли верх возьмёте, может, посмирнее станет и легче мне будет от него избавить наше царство. Ведь не знал я, когда взял его у Вихоря в приёмыш, что человеческий сын в один год так вырастет и станет могучим богатырём. Силы-то набрался, а разум ребячий, вот и озорует.

Вышли солдаты на площадь, а Кехермен-кекил говорит:

— Давайте конаться, кому первому начинать.

Первому досталось начинать Кехермен-кекилу. Установил он шар поудобнее и с такой силой ударил клюкой из целого дуба, что шар покатился со страшным свистом. Многих солдат оглушил тот свист, иных воздухом с ног сбило, а кто устоял на ногах да пробовал поймать шар, тех и вовсе покалечило. У кого руку, у кого голову оторвало.

Бросил Кехермен-кекил клюку и с досадой сказал:

— Что за игра! Двадцать человек не могли шар поймать, да ещё и покалечились!

А царь сидел на крыльце, всё это видел и подумал: «А ну

как он из-за чего-нибудь рассердится, может в сердцах и всё наше царство разорить». И тут же велел позвать Кехермен-кетила.

— Вижу, что в нашем царстве нет тебе поединщика. Спустился бы ты в подземный мир. Там, слышал я, есть сильные, могучие богатыри. Найдёшь, с кем силой помериться.

— А как туда попасть? — спросил Кехермен-кетил.

— Ступай отсюда прямо на́полдень, и встретится тебе провал в земле. Это и будет вход в подземный мир.

Кехермен-кетил вскинул клюку на плечо и отправился в путь-дорогу. Шёл, шёл и заметил, что в одном месте свет из-под земли пробивается. Подошёл ближе и увидал узенький провал. Свет из этого провала и пробивался. Клюкой да руками разгрёб землю, расширил вход и спустился в подземное царство. Огляделся и заметил единственную тропу, которая вилась вдоль берега реки. Выбрался на тропу. Шёл, шёл, притомился и есть захотел. Сел возле тропы отдохнуть, а тут, откуда ни возьмись, мчится прямо на него громадный бык с такими большими острыми рогами, что смотреть страшно. Невдалеке остановился бык, стал копытами землю рыть, глаза огнём горят. Голову нагнул и ринулся на Кехермен-кетила, а тот легонько ударил клюкой и убил быка наповал.

Ухватил Кехермен-кетил быка за хвост, поднял повыше и с такой силой тряхнул, что выпала бычья туша из шкуры.

— Обед сам ко мне прибежал, — сказал он.

Утолил он голод, отдохнул и пошёл дальше. Привела его тропинка к избушке. Заглянул в окно и увидал: на печи старик спит. Постучал и крикнул:

— Дедушка, пусти переночевать!

Отпер старик дверь, впустил Кехермен-кетила и стал спрашивать:

— Кто ты есть, молодец, и как сюда попал?

— Я сын человеческий, зовут меня Кехермен-кетилом.

И рассказал старику, как его малым ребёнком Вихорь унёс, а царь Пери усыновил.

— Сказывал царь Пери, что в подземном царстве у вас много богатырей и есть с кем силой помериться.

— Парень ты, видать, хороший, не криводушный, — проговорил старик, — и мне тебя жалко. Обманул тебя царь Пери, твой приёмный отец, либо сам он ничего не знал о подземном царстве. Владеет царством у нас страшное чудовище. У того чудовища двенадцать рук, на каждой руке по сорок пальцев. Сам живёт в подземелье, оттуда выставляет руки и бесчисленными своими пальцами хватает всё живое и здесь и на белом свете. А как кого ухватит, тотчас затягивает к себе в подземелье и пожирает. Много находилось сильных и смелых богатырей, которые пытались победить чудовище, избавить от двенадцатирукого мир, да все они погибли. Скоро никого в живых не останется, кто не переберётся на другой конец земли. И тебе тут оставаться нельзя. Уходи, куда жив, отсюда подальше. Да поспевай.

— Уйти — дело нехитрое. Уйти я успею. А вот ты скажи, как мне повидать двенадцатирукого царя? — спросил Кехермен-кетил.

— Незачем тебе искать свою гибель, — отвечал старик. — Да и время сейчас позднее, ложись отдыхай — утро вечера мудренее.

С теми словами залез старик на печь и в скором времени крепко уснул. А Кехермен-кетил вышел потихоньку из избы и отправился по тропинке вдоль берега реки. Шёл близко ли, далёко ли, увидал: низко над землёй крыша приподымается, а из-под крыши, из верхних окон, во все стороны руки протягиваются, и множество длинных пальцев на тех руках шевелится. «Не иначе как это и есть сам двенадцатирукий подземный царь», — подумал Кехермен-кетил и вдруг почувал, как потянуло и потянуло его вперёд. И тут только заметил, что крепко держат его пальцы, и руку увидал. Издали ухватил молодца подземный царь.

Стал Кехермен-кетил вырываться. И так и сяк повернётся, старается освободиться, а сам шаг за шагом против воли переступает всё ближе и ближе к крыше. И когда чудовище подтащило его уже совсем близко — осталось лишь втянуть в окно, — Кехермен-кетил упёрся в стену ногами, поднатужился и так сильно дёрнулся назад, что напроць оторвал

мохнатую руку толщиной с десятивершковое бревно. Кинул руку в реку, а сам воротился в избу и лёг спать.

Утром, когда позавтракали, сказал старику:

— Пойду хоть издали взгляну, что это за двенадцатирукое чудище — подземный царь.

— Как вчера говорил, — молвил старик, — так и сегодня скажу: не ходи. Погубит тебя подземный царь.

— Чему быть, то и станется, а пойти пойду, — стоит на своём Кехермен-кетил, — погляжу, чья возьмёт!

— Ну, твоя воля, — махнул старик рукой. — Будь по-твоему. Ступай, но сперва выслушай, что скажу. Не шуточное дело ты затеял...

Рассказал всё, что знал про двенадцатирукого подземного царя, и под конец прибавил:

— Коли запомнишь, что я тебе сказал, и с толком за дело возьмёшься, может, и победишь проклятое чудовище.

Поблагодарил Кехермен-кетил старика, подхватил свою клюку и пошёл по знакомой тропинке. Когда показалась вдали крыша подземного дворца, все одиннадцать рук протянулись в его сторону и послышался голос:

— А-а, опять пришёл! Думаешь, одну руку оторвал, так и обессилил меня? Одиннадцать рук ещё осталось! Живым отсюда не выпущу. Сейчас тебя проглочу!

— Сперва баню натопи — я хоть помоюсь с дороги, — а потом и делай что хочешь.

— Что ж, помойся, — сказал подземный царь и приказал баню вытопить.

Прошло сколько-то времени, служанка прибежала:

— Баня готова, жару-пару много, можно мыться!

— Ступай мойся скорее, — торопит подземный царь, — нечего время вести!

— У нас принято так: сначала хозяин жар проверит, а уж потом и гости идут париться.

— Будь по-твоему, потешу тебя перед смертью.

Покуда подземный царь в бане был, Кехермен-кетил заскочил во дворец и, как учил его старик, отворил заветный ларец. Бутылку с живой водой поставил, где стояла бессиль-

ная вода, а бессильную воду поставил на место живой, сильной воды.

В ту пору воротился из бани подземный царь:

— Ступай, мойся поскорее, мне уж обедать пора!

— Я что-то раздумал, — отвечал Кехермен-кетил. — Давай сначала поборемся, а потом я в баню схожу.

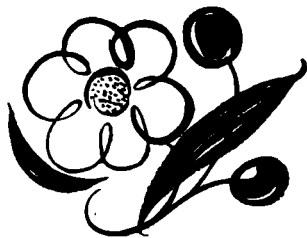
— Поборемся так поборемся, — сказал подземный царь и подал бутылку с живой водой, — испей немного.

А сам схватил бутылку с бессильной водой, стал пить. Сразу почувствовал, что сил у него стало меньше в десять раз. Кехермен-кетил тем временем выпил живую воду, и силы у него удесятились.

— Ох, не ту воду я тебе дал! — закричал подземный царь. — Дай сюда твою бутылку!

Выкинул добрый молодец пустую бутылку, ухватил подземного царя и вытащил из подземелья. Потом размахнулся своей клюкой и с одного удара убил обессиленного подземного царя. Разрубил его туловище и освободил великое множество народу. Повалило видимо-невидимо людей из разных стран, проглоченных двенадцатируким чудовищем. Идут люди и прославляют богатыря Кехермен-кетила. Встретил добрый молодец и своего отца, и старшего брата Кехитрана. Обнялись они, поздоровались и все вместе воротились домой. Там устроили пир на весь мир.

На том пиру все пили и ели и прославляли геройство и удаль победителя подземного царя — доблестного Кехермен-кетила. И я на том пиру был, обо всём узнал и вам рассказал.

АЛЬДЮК

Жили когда-то старик со старухой. У них был сын Иван. Старики по дому управлялись, а сын ходил на охоту, и тем они кормились.

Как-то раз выпал для Ивана незадачливый день. С раннего утра до позднего вечера не удалось ему добыть ни птицы, ни зверя. На обратном пути увидал: летит стая гусей. Выстрелил Иван и подранил одну птицу. Отделилась от стаи птица, села наземь. Подбежал молодец, поднял гусыню и понёс домой. «Хоть не с пустыми руками приду, и то ладно», — думает.

Принёс домой гусыню. Побежала она по избе, скинула с себя гусиное оперение, сбросила крылья и обернулась красивой девушкой.

Иван с родителями глядят на красавицу, не налюбуются. Старуха за стол её посадила, ужином накормила, в чистой горнице спать уложила. Потом сказала старику:

— Сколько раз ты говаривал, что пришла пора сыну жениться. Не его ли это судьба-доля?

— Поглядим, — отвечает старик, — коли прилежной по

хозяйству гостя окажется, так других невест и искать не станем.

Утром девушка-гусыня поднялась ни свет ни заря, корову подоила, ключевой воды принесла, в хате прибралась и печь затопила. Да так у неё всё споро, хорошо вышло — любо-дорого посмотреть. И так день за днём неделя миновала. Старуха рада-радехонька помощнице, и старик, глядя на девицу, не нарадуется, а об Иване и говорить нечего: глаз с девицы-красавицы не спускает. И она, как взглянет на парня, зардеется, будто маков цвет.

Долго откладывать не стали, высватали гостью за Ивана, сыграли свадьбу. И зажили молодые в любви и согласии.

Через год родился у Ивана с Альдюк сын. Старик со старухой не нарадуются внуку.

— Всем сноха хороша, — говорит старику старуха, — одного в толк не возьму: чего ради она хранит гусиные крылья?

И как-то раз поутру, когда Альдюк корову доила, сожгла старуха гусиные крылья. Прибежала невестка в избу:

— Ой, что ж ты, матушка, сделала! Сожгла мои крылья, а ведь совсем уж не долго оставалось ждать, покуда волшебный заговор свою силу потеряет! Как мне теперь быть, как беду изжить?

И с тех пор будто подменили молодую. Пригорюнилась, затуманилась. Всё у Альдюк из рук валится.

На другое утро пошла она по воду, а в ту пору летит над деревней гусиная стая. Кричат ей гуси:

— Альдюк наша пригожая, велено тебе с нами лететь!

— Как мне лететь? Ведь на берёзовых углях сожгли мои крылья гусиные!

Сбросили гуси ей по пёрышку. Воротилась Альдюк домой, а свекровь спрашивает:

— Что так долго ходила?

— У колодца много народу было.

На другое утро опять пошла она по воду. Летит другая стая гусей:

— Альдюк наша пригожая, велено тебе лететь с нами!
— Полетела бы с вами, да ведь на берёзовых углях сожгли мои гусиные крылья!

Сбросили ей гуси по пёрышку. Принесла она воду. Све-
кровь спрашивает:

— Что долго ходила?

— Народу было у колодца много.

На третий день пошла по воду. Летит третья стая гусей,
кричат ей гуси:

— Альдюк наша пригожая, полетим с нами!

— Полетела бы с вами, да на берёзовых углях сожгли
мои крылья гусиные.

Сбросили ей гуси по пёрышку. И набралось перьев на гу-
синые крылья.

Оглянулась Альдюк на свою избу, горько заплакала,
взмахнула крыльями и полетела за гусиной стаей. Долго свек-
ровь дожидалась невестки. Побежала к колодцу, а там толь-
ко вёдра да коромысло валяются.

Тужит Иван, убивается, печалются старики, и ребёнок
слезами заливается, мать кличет.

Много ли, мало ли прошло времени, как-то утренней по-
рой прилетела гусыня, села на крышу, услышала, как плачет
в избе ребёнок, и запричитала:

Глазёньки твои, милый, не слезились бы,
Слёзёньки мои горячие не лились бы!

Вышла старуха:

— Кышш, кышш! Нашему маленькому покоя не даёшь!

Отлетела гусыня недалеко, но как только старуха ушла,
опять опустилась на крышу и запела, запричитала:

Глазёньки твои, милый, не слезились бы,
Слёзёньки мои горячие не лились бы!

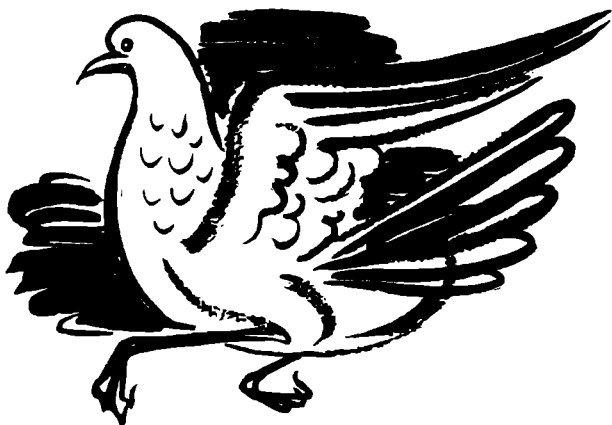
Выбежал старик, заругался:

— Кышш, кышш! Что это повадилась летать к нам?

Снялась гусыня с крыши, через открытую дверь залетела в сени, а из сеней в избу. Сбросила гусиные перья, обернулась прежней красавицей и первым делом кинулась к зыбке, схватила сына, приласкала, приголубила. Потом обернулась к свекрови и проговорила:

— Вот и кончился сегодня срок волшебного заговора, и теперь никогда не понадобится мне обращаться в гусыню и никогда я больше не расстанусь с вами!

Старуха поскорее печь затопила, спалила гусиные крылья, и с тех пор Иван с Альдюк и с сыном да с родителями живут счастливо, никакой беды не знают.

СОЛДАТ ИВАН

Давным-давно это было. Прослужил Иван в солдатах двадцать пять лет, и отпустили его на все четыре стороны:

— Ступай куда хочешь.

Недолго солдат в дорогу собирался. Уложил в котомку хлеба краюшку, штоф водки, прихватил кисет с табаком и отправился в путь. «Пойду на родимую сторону, отца с матерью да братьев и сестёр повидаю», — думает.

Шёл он долго ли, коротко ли, дорожные припасы на исходе, а идти ещё долго надо. Сел на придорожный камень отдохнуть, пошарил в котомке, достал последний ломоть хлеба и только хотел закусить, как, откуда ни возьмись, появился перед ним стар-старичок:

— Подай, служивый, милостыньку!

«Сам-то как-нибудь обойдусь, — подумал солдат, — а старому, убогому, где взять?»

И отдал старику последний ломоть:

— Не взыщи, больше у меня ничего нету.

Поблагодарил старик Ивана, принялся за еду. А солдат поднялся, подтянул ремень потуже и пошёл дальше. Шёл, шёл и вспомнил: «Ведь в штофе водки ещё немного осталось, дай допью, авось про голод забуду». Достал из котомки посудину, а в ту самую минуту другой старик перед ним оказался:

— Ох, служба, болят мои старые кости! Угости водочкой, легче мне станет!

Подав ему солдат штоф:

— Пей, дедушка, на здоровье!

А сам стал путь продолжать. Дошёл до небольшой речки, присел на берегу и достал кисет. А табаку там осталось на одну сигарку.

В ту пору рядом с ним очутился третий старик:

— Угости табачком, добрый человек!

Отдав ему солдат остатки табаку, а сам поднялся и пошёл дальше. Версту ли, две прошёл — глядь, а все три старика идут навстречу.

— Не пожалел ты своих дорожных припасов, последнее нам отдал. Теперь видим: хороший ты человек, добрый. Пойдём, погостишь у нас денёк, отдохнёшь.

Привели старики Ивана в избу. Баню истопили. Намылся солдат, напарился. Накормили его всякими кушаньями и спать на пуховую перину уложили.

На другой день после завтрака стал солдат прощаться с хозяевами:

— Спасибо за хлеб, за соль, за тёплый постой. Надо мне вперёд подвигаться, к дому.

Самый старший старик подав солдату суконку:

— Понадобится помощь, кликни только: «Из дедовой суконки!» — увидишь, что будет.

Другой старик подав ему книгу:

— Когда понадобится, разверни, почитай эту книгу — сразу поймёшь, что надо делать.

— И от меня тебе награда, — сказал третий старик и подав Ивану нагайку. — Скажи: «Дедова нагайка, помоги». Она знает, что делать.

Поблагодарил солдат стариков за подарки, распростился и отправился в путь-дорогу.

Шёл с утра день до вечера. Завела дорога в глухой, тёмный лес. Солнышко закатилось, и сделалось так темно — глаза выколи, не видно. Вдруг провалился солдат в бездонную пропасть. Долго летел вниз, и наконец забрезжило, светлее и светлее стало, а свет такой, как на земле в ясную месячную ночь бывает. И тут почувствовал Иван под ногами землю. Увидел в земляной стене пролом. Пролез в пролом и очутился в подземном царстве. Открылись леса, поля широкие, вдали горы видать, а в долинах реки, озёра — всё как наверху, только свет не такой, как на земле, но всё хорошо видно. Миновал солдат одну гору. За горой ворота показались и большая площадь, глазом не охватить, обнесена высоченным забором. Ворота на запоре, рядом узенькая калитка не закрыта. Солдат проскочил в калитку и увидал чертей видимо-невидимо. Суется, спорят о чём-то, кричат:

— Мне, мне отдайте эту душу!

Подскачили ещё три чертёнка:

— Нет, нам отдайте, нам!

С визгом, с криками набежало ещё много чертей. Толкаются, бранятся:

— Сегодня совсем мало душ к нам пришло. Делите эту на всех!

Тут один чертёнок заметил солдата и закричал:

— Смотрите, смотрите, ещё один!

И тотчас окружили солдата черти со всех сторон. Галдят, тянутся к нему руками, копытами землю роют. Иван мешкать не стал. Крикнул: «Из дедовой суконки!» В ту же минуту стали перед ним солдаты. Спрашивают:

— Что прикажешь?

— Караульте все ходы и выходы! Никого отсюда не выпускайте!.. — И тут же приказал: — Дедова нагайка, помоги! Проучи чертей, чтобы навек запомнили!

И пошла потеха. Входы и выходы солдаты из дедовой суконки сторожат, а нагайка принялась чертей охаживать. До тех пор чертей стегала, покуда они не взмолились:

— Пощади, служивый! Проси чего хочешь, оставь только нас в живых!

— То-то же! — сказал Иван и скомандовал: — В дедову суконку!

Исчезли 'солдаты, а черти разбежались, попрятались кто куда.

— Дедова нагайка, марш в суму!

Скрылась нагайка, а к Ивану подошёл на́больший чёрт и говорит:

— Хоть и напрасно ты побил, покалечил чертей, но за отвагу и храбрость твою могу тебя назначить главным караульным у наших ворот. Служба лёгкая. Сиди себе покуривай да строго следи, чтобы не пропустить к нам, кого не следует. Три года прослужишь, наградим и на белый свет переправим.

Солдат долго раздумывать не стал. Прошёл в караульную будку, заступил в должность. Сидит покуривает, своё дело правит.

Однажды подошёл к воротам Эсрель, тот, что людей морит. Иван строго спросил:

— По какому делу пришёл?

— Узнать, кого надо морить в этом году, — отвечает Эсрель.

— Я сам схожу узнаю, чего тебе делать, — сказал солдат, — посиди тут.

Пошёл Иван к начальству и спросил:

— Эсрель пришёл и спрашивает, что ему в этом году делать.

— Пусть в этом году Эсрель морит детей.

Воротился солдат к воротам и приказал:

— Велено тебе в этом году молоденькие деревья морить. Возьми топор и ступай!

Отправился Эсрель в лес и целый год рубил молодые деревья.

Прошёл год, воротился Эсрель и спрашивает:

— Пришёл узнать, чего мне делать на следующий год.

— Не велено никого пускать. Посиди здесь, а я схожу спрошу.

Иван строго спросил: «По какому делу пришёл?»

Пошёл к начальству и говорит:

— Эсрель пришёл. Спрашивает, чего ему делать, кого нынче морить.

Старший сказал:

— Пусть в этом году морит молодых людей в расцвете сил.

Воротился солдат и говорит:

— Велено рубить и морить строевой лес в этом году.

Отправился Эсрель в лес и принялся валить высоченные сосны и крупные ели. Через год снова пришёл к воротам:

— Надо узнать, кого морить в этом году.

— Пропустить не могу, — отвечал солдат, — придётся тебе тут обождать.

И пошёл узнавать. Выбежал навстречу ему чертёнок.

— Эсрелю в этом году морить всех стариков и старух!

Воротился Иван в проходную будку и говорит:

— На этот год тебе работа лёгкая. Велено выкорчевать все пни в лесу. Ступай!

Корчевал Эсрель пенья-коренья целый год и так изнурился, что с горем пополам притащился назад к воротам. А Иван в ту пору задремал. Эсрель увидал, спит солдат, похрапывает, и потихоньку проскочил мимо него. Сам пошёл к старшему чёрту. Тот взглянул на него и спрашивает:

— Чего это ты такой истомлённый?

— Так ведь два года лес рубил, а третий пенья-коренья корчевал, как было велено. Совсем из сил выбился!

— Как так лес рубил да пенья корчевал?

Рассказал Эсрель всё, как солдат ему приказания давал. Вскричал старший чёрт:

— Обманывал Иван и меня и тебя!

И тут же велел позвать солдата.

— За то, что ты три раза провинился — обманывал Эсреля, в наказание будешь носить его на себе целый год, — сказал старший чёрт.

— Будь по-вашему, — весело ответил солдат.

Посадил он Эсреля на плечи и понёс его через густые заросли шиповника. Шипы порвали у Эсреля платье и самого исцарапали до крови. Стал он просить-молить Ивана:

— Вынеси меня отсюда! Сил нет терпеть такую муку!

— Сейчас мы с тобой в орешник попадём. Спелых орешков пощёлкаем, — отвечал солдат.

Когда добрались до орешника, нашёл Иван червивый пустой орех. В скорлупе дырочка.

— Говорят, будто ты можешь в самую малую букашку оборачиваться, а я тому не поверю, покуда сам не увижу, — проговорил солдат.

— Это мне по силам, — отозвался Эсрель, — это я могу.

— Если сумеешь в орех через эту дырочку пролезть, тогда поверю. А так, может, только зря хвастаешь!

Эсрель тотчас же обернулся мошкой и — раз, раз! — влез в орех. А солдат залепил смолой дырочку в орехе и засмеялся:

— Сиди там теперь!

Опустил орех с Эсрелем в карман и ведёт время. Трубочку покуривает, орехи пощёлкивает. Рыбку в реке ловит, птицу да зверя в лесу промышляет. Худо ли?

Прошёл год. Воротился Иван к воротам того света, отковырял с ореха смолу, выпустил Эсреля на волю. Подхватил его на плечи и принёс к старшему чёрту.

— Ох! — стонет Эсрель. — Чуть жив остался. Замуровал меня солдат в ореховую скорлупу и целый год там продержал взаперти!

Заговорил Иван:

— Пора нам рассчитаться. Зажился я у вас больно долго. Подавайте, что заработал, и подымите меня на белый свет!

Неохота чёрту солдата отпускать. Пошептался он с Эсрелем, потом послал посыльного чертёнка куда-то и говорит:

— Держать тебя я не стану, расчёт дам и на белый свет велю поднять. Вот только не знаю, выпустят ли тебя отсюда черти. Уж очень они обижены. Как бы худого чего не сделали.

— Ты расчёт подавай, зубов не заговаривай! А с чёртовым племенем я сам управлюсь.

Достал старший чёрт из сундука мешочек, подал Ивану:

— Вот тебе жалованье за все четыре года.

Солдат мешочек развязал, деньги пересчитал:

— Всё правильно, как было ряжено. И деньги настоящие. А теперь скажи: как подняться на белый свет?

— Ступай на площадь. Там тебя посыльный чертёнок ожидает.

Вышел солдат на площадь. А там столько чертей толпится — глазом не окинуть. Окружили Ивана со всех сторон. Кричат, друг друга подталкивают:

— Хватай его! Держи! Сейчас разорвём на куски!

✚ — Стой, нечистая сила! — закричал Иван громким голосом. — Забыли, видно, как я вас учил уму-разуму? А ну, из дедовой суконки!

В один миг стали перед ним солдаты. Старший спрашивает:

— Что прикажешь?

— Окружите нечистую силу и караульте все ходы и выходы! А ты, дедова нагайка, бей, не жалей! Дай чертям ума!

Некуда чертям податься, а нагайка так рьяно за дело принялась, что чертям тошно стало. Возмолились они:

— Не бей, не калечь, Иван! Убери солдат и нагайку! Мы тебя на белый свет подыдем и не только сами не тронем, а детям и внукам нашим закажем почитать тебя!

Подавал Иван команду: «В дедову суконку!» Скрылись солдаты. Потом приказал: «Дедова нагайка, марш в суму!» Исчезла нагайка. А черти тотчас подняли солдата на белый свет:

— Прощай, служивый, не поминай нас лихом!

Долго ли, коротко ли шёл солдат, вдруг повстречались ему те самые старики, у которых он ночевал.

— Ну как, Иван? Слышали мы, что ты успел на том свете побывать.

— Твоя суконка и твоя нагайка, — молвил солдат старшему и среднему старикам, — выручили меня из беды, два раза спасли от гибели. Вот ваши диковинки в целости и сохранности.

Отдал он суконку и нагайку старикам и поблагодарил их. А третьему сказал:

— Книгу твою недосуг было прочитать.

— А ты оставь её, сынок, у себя, — сказал третий старик, — она ещё пригодится. Сослужит службу.

И в ту же минуту скрылись все три старика. А солдат пошёл дальше. И вот показались родные места. Повеселел Иван, будто помолодел на двадцать лет. Идёт весёлый, песни распевает. Сам думает: «До чего хорошо по родимой стороне идти! В каких я только местах не побывал и на тот свет спускался, а краше нашего края не видывал!»

К родительскому дому подошёл, увидел на дворе своего старшего брата, еле признал. Постарел, поседел, старик стариком. Поглядел на солдата, словно на чужого, и спрашивает:

— Кто таков? Чего надо?

— Как чего надо? Неужто не признаёшь меня? Помнишь, как провожали меня в солдаты? Я брат твой Иван.

— Батюшки светы! — всплеснул руками старик. — Вон оно что! Не чаяли мы тебя ещё раз повидать! Батюшку, годов десять тому времени прошло, схоронили, и матушка не дождалась тебя. В прошлом году на погост свезли. Да что это на дворе-то стоим? Пойдём, пойдём, — захлопотал хозяин.

В избе гостя приветливо встретили. Невестка стол накрыла, а Иван брату денег дал и велел позвать другого брата с семьёй и односельчан. И началось богатое угощение. Все на том пиру пили и ели, прославляли Ивана.

На другой день спросил солдат братьев:

— Что это живёте вы, как я погляжу, не по-старому? Избы у вас да и у соседей покосились, всё обзаведение много хуже стало против прежнего.

— Неурожайных годов много было, — ответили братья, — худо стал хлеб родиться. И год от году хуже. Не знаем, как дальше жить.

Достал солдат мешочек с деньгами, что за службу на том свете получил. Разделил на равные части деньги. Одну часть себе оставил, а остальные братьям и сёстрам отдал:

— На первое время мне хватит, и на обзаведение осталось, а век этим не проживёшь. К земле надо руки прило-

жить. Она наших отцов, дедов кормила, поила и нас прокормит, коли умеючи за дело взяться.

В скором времени построил солдат себе избу, лошадьё, коровой обзавёлся. А потом высватал смирную, работающую девушку. Сыграли свадьбу. Пир отпировали, надо за хозяйство приниматься.

Вспомнил Иван о дедовой книге, развернул и стал читать. Три дня ту книгу читал. На четвёртый день поднялся утром ни свет ни заря, уложил книгу в суму и ушёл в поле. Там он три раза махнул книгой справа налево и проговорил:

— Явись, дедушка, за книгой!

Не успел договорить, как очутился перед ним третий старик:

— Вижу, вижу, книгу ты прочитал, Иванушка. Теперь знаешь, что тебе надо делать. Вот тебе семена, эдаких нигде не сыщешь. Трудись, не ленись, братьям своим и соседям пример подавай. Все будут сыты, и станут у вас сады цвести, яблоки да вишни созревать на радость всем людям!

Взял старик свою книгу, простился с солдатом, и не стало его, будто и не был тут.

Воротился Иван домой, и оба с женой принялись они за дело. Трудились не покладая рук. Большой сад яблоневыми да вишнёвыми семенами засадили. Много ли, мало ли прошло времени, выросли в саду чудесные яблони и вишни, и зацвёл сад, в белое как невеста нарядился, и такой сладкий дух пошёл по всей земле, что людям стало радостно. А время пришло, Иван с женой столько собрали яблок да вишен, что на всю округу хватило.

Глядя на Ивана, братья и все соседи тоже принялись сады сажить, богатые урожай собирать. И зажили все припеваючи.

И по сей день в той стороне цветут сады прекрасные, спеют яблоки да вишни чудесные, а народ вспоминает добрым словом Ивана-солдата.

В СТРАНЕ СВЕТЛОГО ДНЯ

Было у стариков три сына. Когда отец состарился, позвал он сыновей и говорит:

— Плохи мои дела, худо стал видеть, а слышал от людей, будто есть где-то Страна Светлого дня и бьёт там родник живой воды. Умоешься той водой, и все недуги как рукой снимет. Вот если бы кто из вас, ребяташки, отважился, поехал и привёз целебной воды, стал бы я по-прежнему всё видеть, стал бы радоваться на красоты земные.

— Мне первому ехать целебную воду искать, — проговорил старший сын.

— В час добрый, сынок! — отозвался отец.

Справился, снарядился старший сын, сел на коня и отправился в путь-дорогу.

Много ли, мало ли прошло времени, воротился он домой ни с чем и стал рассказывать:

— Ехал я по полям-раздольям, через реки переправлялся, напоследок заехал в глухой, тёмный лес и наехал на матёрый дуб в шесть обхватов. Под дубом старый-престарый старик

сидит, пить просит. «Недосуг мне, — крикнул я, — ищи воду сам!» И поехал прочь. Кружил, кружил по лесу — никакого проезда вперёд не нашёл, повернул обратно и насилу из этого непроходимого леса выбрался. Видно, нет через тот лес ни проезда, ни проходу.

— Позволь, родитель, мне счастья попытать, — промолвил средний сын.

— Доброе дело! Поезжай, — сказал отец.

Уехал средний сын. День за днём, неделя за неделей время идёт, как вода течёт. На исходе девятой недели воротился путник и говорит:

— Истинную правду брат сказывал: нет ни проезда, ни проходу через тот глухой лес. Пробовал я в объезд мінуть его, только понапрасну коня изнурил и сам притомился — конца-краю лесу не нашёл. Стал через лес пробираться и тоже наехал на шестиохватный дуб, а под дубом старик. «Напой, просит, немощного старика водой, сынок!» — «Где я тут тебе воды возьму, когда и сам я и конь мой уже три дня от жажды изнываем, росяной капли во рту не бывало».

Только я это сказал — не стало старика, будто сквозь землю провалился, а передо мной сплошной стеной лес стоит, и такие буреломы, что ни конному, ни пешему век не пробраться. Повернул коня и еле-еле, чуть живой от голода и жажды, в обратную сторону выбрался. Никакой Страны Светлого дня нету в той стороне. Зря люди наболтали.

Опечалился отец, опустил седую голову и тяжело вздохнул.

— Не удастся ли мне попасть в Страну Светлого дня? Позволь, батюшка, попытать счастья, — просится младший сын Иван.

— Попытка не пытка, — молвил отец, — да что в том толку, коли через лес проезда нет. Всё равно воротись, как и старшие братья, ни с чем.

Не унимается Иван, стоит на своём:

— Отпустишь — поеду, и не отпустишь — поеду.

Махнул отец рукой:

— Поезжай, коли уж такая охота, потешь себя, а мне, видно, так и не избавиться от недуга.

Иван мешкать не стал. Скорым-скоро собрался, с домашними распростился и покинул родительский дом.

Ехал он полями широкими, через топкие болота переправлялся и увидал впереди: лес синееется — глазом не охватишь, ни справа, ни слева не видно конца-краю.

«Что делать? — думает Иван. — Пытался было средний брат объездом лес миновать — не объехал, только время потерял. Дай попробую напрямую пробираться, неужто не пробьюсь?»

В ту пору понадобилось через реку переправляться, и вспомнил Иван братнины рассказы о том, как жажда их дожимала. Коня напоил, сам напился и дорожный жбан наполнил водой.

Через реку переправился и в скором времени достиг леса. Едет день и другой. На третий день на закате солнышка подъехал к матёрому дубу толщиной в шесть обхватов. Под дубом старый-престарый старик сидит.

— Ох, добрый молодец, помоги мне! Жажда вконец истомила, дай напиться!

Иван тотчас спешился, подал старику жбан:

— Пей на доброе здоровье!

А старик лишь чуть пригубил и говорит:

— Эк ты меня утешил. Испытывал я и братьев твоих: к нужде людской не отзывчивые они, и постигла обоих неудача. А тебе с радостью помогу чем могу. Слушай меня: поезжай отсюда прямо и никуда не сворачивай. Как доедешь до развилки трёх стёжек, увидишь каменную плиту. В подземелье под плитой найдёшь небольшой сундучок, а в сундучке полотенце и кувшинец о двенадцати рылец. Полотенце и кувшинец тебе пригодятся. Как только попадёшь в такое место, где ни проходу, ни проезду нет, махни полотенцем слева направо, и откроется перед тобой путь-дорога, а пить-есть захочешь, скажи: «Кувшинец о двенадцати рылец, попить, поесть!» — и появятся всякие кушанья и напитки. Пей, ешь, чего душа пожелает.

Когда из лесу выберешься, встретится тебе в степном краю конский косяк на выпасе. Придётся твоего коня сменить.

До Страны Светлого дня дорога дальняя и под силу только коню с белой отметиной во лбу. Этого коня ты и выменяй у табунщика на своего, либо купи. Будет служить он тебе верой и правдой. Не сразу ты чудодейную воду добудешь, много придётся странствовать, но больше говорить не стану. Когда попадёшь в Страну Светлого дня, сам увидишь, что надо делать.

Только успел старик всё это сказать, как тут же исчез, будто его и не бывало.

А Иван доехал до развилки трёх стёжек, достал в подземелье полотенце да кувшинец о двенадцати рылец и стал путь продолжать. Встанет перед ним лес непроходимой стеной либо встретятся завалы, буреломы — век, кажется, не перебраться, — махнёт полотенцем слева направо, и откроется проезд.

Ехал он так долго ли, коротко ли, стал наконец лес редеть, и в скором времени Иван выехал в чистое поле, в широкое раздолье. Невдалеке показался несметный конский табун. Стал Иван у табунщиков спрашивать:

— Как бы мне моего коня на степного иноходца сменять?

— Давай твоего коня да сто рублей придачи, — говорит старший табунщик, — и выбирай любого из косяка.

Объехал Иван кругом табуна, высмотрел коня с приметой, о которой старик говорил, отдал свою лошадь да сторублей и принялся ловить иноходца. Сперва конь никак в руки не давался, но Иван изловчился, ухватился за гриву и вскочил верхом. Сколько ни метался, ни носился по степи белолобый, пришлось покориться. Остановился как вкопанный и проговорил человеческим голосом:

— Сумел ты поймать да усидеть на мне, теперь из твоей воли не выйду. Седлай и скачи, куда тебе надобно.

Снарядился Иван и говорит:

— Надо нам, верный конь, попасть в Страну Светлого дня. Знаешь дорогу?

— Знаю, крепче держись, — ответил иноходец.

Минуты не прошло, крикнул Иван:

— Стой, стой! У меня шапку сорвало!

— Где станешь свою шапку искать? Ведь мы уж больше ста вёрст проскакали, — отозвался конь.

Долго ли, коротко ли мчался Иван — вёрсты тогда были не меряные, пути-дороги не проторённые, — и попал он в такую страну, где круглый год по-летнему грело солнышко, росли невиданные деревья и цвели прекрасные цветы. А на деревьях распевали дивные птицы. Замедлил иноходец бег, поотдышался и промолвил:

— Вот мы и достигли Страны Светлого дня. Теперь расседлай, разнуздай меня и отпусти на волю, а сам ступай и во что бы то ни стало наймись к здешнему царю в пастухи. Я знаю, пастух ему надобен. Служба у царя нелёгкая. Много находилось охотников царских коней пасти, да никто жив не остался. Но я тебе помогу. Когда понадобится, махни полотенцем сверху вниз три раза и скажи: «Верный конь, стань передо мной, как лист перед травой!»

С теми словами убежал иноходец в зелёные луга. А Иван пошёл в стольный город.

Подошёл к царскому дворцу и спросил у караульного:

— Как бы мне царя повидать?

Караульный пропустил его во дворец. А царь в ту пору сидел на красном крыльце. Оглядел он молодца в худой одежонке и говорит:

— Кто ты есть такой и зачем ко мне пришёл?

— Слышал я, — Иван отвечает, — что ищешь ты конского пастуха. Вот и пришёл в работу наняться.

— Любо слышать, что дело ищешь, — промолвил царь, — пастух мне надобен, но уговор дороже всего: рядой рядись, а работать не ленись. Упасёшь моих коней полный день с утра до вечера, пригонишь домой до заката солнышка — проси чего хочешь. Не упасёшь, вовремя не пригонишь — пеняй на себя. Велю тебе голову отрубить.

— А велик ли табун? — спрашивает Иван.

— Пасти надо только трёх коней, — отвечает царь.

— Ну, три не тридцать, а мне приходилось и тридцать голов пасти. Трёх-то небось упасу.

— Вот и хорошо, — хитро глянул на него царь. — Ступай

на поварню — там тебя накормят, напоят — и ложишься отдыхай. Завтра со светом выпустят коней на волю, а там уж твоё дело — знай не зевай!

На другое утро ни свет ни заря пробудился Иван, а старший конюх уж тут как тут:

— Поторапливайся, молодец, сейчас коней выпустим!

И только конюшню отворили, вихрем вылетели три вороных коня... Гривы развеваются, глаза огнём горят, из ушей дым кудреват, из-под копыт искры.

Не успел Иван и глазом моргнуть, как метнулись кони из ворот, ветром понеслись прямо к морю и скрылись под водой.

Побрёл добрый молодец на морской берег, сел на морской песок и призадумался, пригорюнился: «Вот они какие кони! Как их теперь упасёшь да домой пригонишь, ежели они в морской пучине?»

Сидел-сидел, повалился на песок и крепко уснул. Проснулся, а солнышко уж далеко за полдень перевалило.

Забеспокоился Иван:

— Ну что теперь делать?

И тут только вспомнил, о чём ему говорил иноходец. Вскочил на ноги, достал из-за пазухи полотенце, взмахнул им сверху вниз раз, другой, третий и крикнул:

— Верный конь, стань передо мной, как лист перед травой!

В ту же минуту послышался конский топот. Оглянулся Иван, а степной иноходец тут как тут, будто из-под земли вырос:

— Что, хозяин, не весел, чего голову повесил? Зачем звал?

Рассказал Иван, какую ему царь дал задачу, и прибавил:

— Ума не приложу, как на дне моря жеребцов искать да домой вовремя пригнать?

Иноходец головой помотал и промолвил:

— Да, не дальняя мне теперь дорога, да, может статься, печальная. Сиди тут и жди. Первого, меньшого морского же-

ребца, я без труда выгоню, а ты не прозевай его поймать да усмирить. И с другим, средним его братом, управлюсь. А вот удастся ли третьего, старшего брата, осилить, сам не ведаю. Когда поймаешь и усмиришь первых двух, зорко следи за морем. Если все четыре мои подковы в той битве оторвутся и вылетят на берег, считай, пришла мне погибель, и больше не жди меня.

С теми еловами ринулся конь в морскую пучину. И в скором времени зашумело море, запенилась вода, будто закипела...

Выскочил на берег меньшей морской жеребец. Изловчился пастух, ухватился за гриву, вскочил верхом и давай коня усмирять. Сколько ни бился Иван, ничего поделатъ не может. Носится морской жеребец по берегу, горы песку и камней под самые тучи мечет из-под копыт.

А море кипит, клокочет. Что делать Ивану? Выхватил он своё чудесное полотенце и — раз, раз! — хлестнул морское чудище по голове слева направо и справа налево.

В ту же минуту морской жеребец усмирился и запросил: — Остановись, Иванушка! Ударишь полотенцем третий раз, не выжить мне! Я теперь из твоей воли никогда не выйду и братьям закажу слушаться тебя во всём.

В ту пору средний морской жеребец выскочил на берег и вихрем промчался мимо Ивана прочь от моря. Следом за ним кинулся младший брат, мигом настиг беглеца и заржал на особый лад. Как вкопанный стал средний морской жеребец:

— Покоряюсь тебе навеки! Ведь не знали мы, что владеешь ты волшебным полотенцем.

А Иван глаз с моря не спускает. Смотрит, как вздымаются волны, пенится море. И вдруг со свистом пролетело что-то. Недалеке упала подкова, за ней вслед другая: «Ох, погибает мой иноходец», — подумал Иван.

Но как раз в это самое время выскочил на берег старший морской жеребец, а за ним вслед выбежал из моря и степной иноходец.

Иван скоро поймал и усмирil третьего морского жереб-

Иван пошёл ужинать, а царь позвал главного палача и приказал:

— На утренней заре отруби пастуху Ивану голову. Спать он будет над конюшней на сеновале.

После ужина поднялся Иван на сеновал и слышит:

— Не ложись, Иванушка, спать. В полночь надо тебе отсюда бежать. Как только конюхи уснут, подам тебе голос, а ты отопри конюшню и выведи нас во двор.

Это младший морской конь ему из конюшни проговорил.

Сидит добрый молодец, ведёт время. Близко к полуночи уgomонились конюхи. Послышался храп. Спустился Иван вниз, отпер конюшню, а морские кони ему навстречу спешат.

— Садись на меня, — сказал старший морской конь, — да крепче держись! Царь приказал главному палачу тебя убить на утренней заре. Надо спешить.

Сперва конь, на котором сидел Иван, перемахнул через высоченный частокол, а вслед за ним перескочили и два других морских коня и вихрем помчались прочь от дворца. Тут Иван вспомнил о степном иноходце, махнул полотенцем сверху вниз раз, другой, третий и проговорил:

— Верный конь, стань передо мной, как лист перед травой!

И услышал он голос:

— Я тут и есть!

Оглянулся Иван и видит: вместе с морскими конями скачет и иноходец.

Утром и говорит главный палач царю:

— Убежал Иван-пастух из дворца и морских коней угнал.

— Ну, коли на морских конях беглец ускакал, то и погоню посылать нечего. Всё равно не угнаться.

А Иван тем временем путь продолжал. Притомятся кони, самого голод и жажда одолеют, достанет он кувшинец о двенадцати рылец — всяких кушаний и напитков перед ним го-

Иван пошёл ужинать, а царь позвал главного палача и приказал:

— На утренней заре отруби пастуху Ивану голову. Спать он будет над конюшней на сеновале.

После ужина поднялся Иван на сеновал и слышит:

— Не ложись, Иванушка, спать. В полночь надо тебе отсюда бежать. Как только конюхи уснут, подам тебе голос, а ты отопрй конюшню и выведи нас во двор.

Это младший морской конь ему из конюшни проговорил.

Сидит добрый молодец, ведёт время. Близко к полуночи уgomонились конюхи. Послышался храп. Спустился Иван вниз, отпер конюшню, а морские кони ему навстречу спешат.

— Садись на меня, — сказал старший морской конь, — да крепче держись! Царь приказал главному палачу тебя убить на утренней заре. Надо спешить.

Сперва конь, на котором сидел Иван, перемахнул через высоченный частокол, а вслед за ним перескочили и два других морских коня и вихрем помчались прочь от дворца. Тут Иван вспомнил о степном иноходце, махнул полотенцем сверху вниз раз, другой, третий и проговорил:

— Верный конь, стань передо мной, как лист перед травой!

И услышал он голос:

— Я тут и есть!

Оглянулся Иван и видит: вместе с морскими конями скачет и иноходец.

Утром и говорит главный палач царю:

— Убежал Иван-пастух из дворца и морских коней угнал.

— Ну, коли на морских конях беглец ускакал, то и погоню посылать нечего. Всё равно не угнаться.

А Иван тем временем путь продолжал. Притомятся кони, самого голод и жажда одолеют, достанет он кувшинец о двенадцати рылец — всяких кушаний и напитков перед ним го-

ра появится. Сам подкрепится, кони отдохнут, сил наберутся и снова в путь-дорогу.

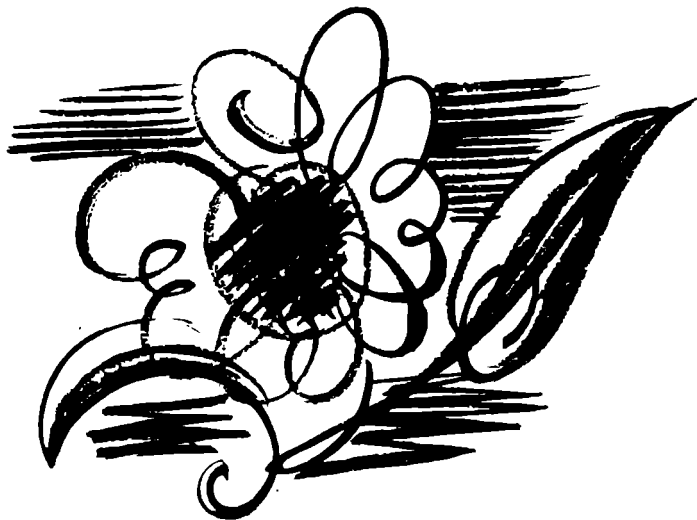
Выбрались из Страны Светлого дня, проехали через дремучий лес и попали в родные места.

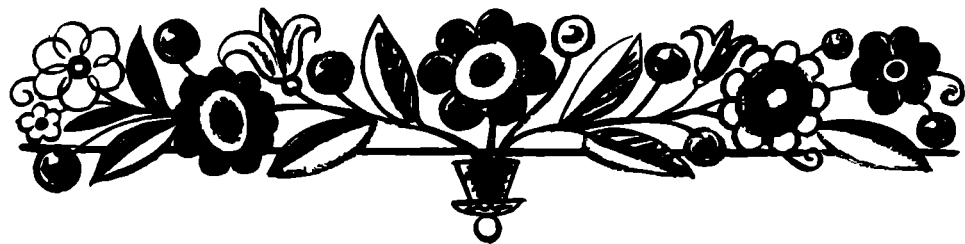
Обрадовался отец, когда узнал, что воротился меньшей сын:

— Не чаял, сынок, и дожждаться тебя! Одолели меня хвори. Вот голос твой слышу, а самого тебя не вижу!

Иван помазал отцу глаза целебной водой — прозрел старик, а когда выпил несколько капель той воды, все хвори-недуги будто рукой сняло. Собрали гостей, завели пир на весь мир, и отец на пиру плясал так легко, что все диву давались.

А от тех коней, которых пригнал Иван, и повелись резвые рысаки по всей нашей земле.

БАТЫР И ЧИГЕ-ХУРСУХАЛ

Давным-давно жили-были старик со старухой. Весь свой век они мирно трудились, а кроме ветхой избёнки на подпорках да одного ягнёнка, ничего у них не было. И не было у них детей. О том старики тужили-горевали.

И вот однажды приснился старухе Питамбар¹.

— Век вы живёте в мире и дружбе, много трудитесь, а счастья не видали, — сказал он. — Хочу я вас наградить. Ступайте перед восходом солнца к дубу Киремети², принесите в жертву ягнёнка, потом возьмите кусочек коры этого дуба, заквасьте на ночь в квашне, и наутро появится у вас сын-батыр.

Старик со старухой всё так и сделали, как велел Питамбар. Наутро появился у них сын. Назвали его Иваном.

Рос Иван не по дням, а по часам. Съедал за один при-

¹ Питамбар — у древних чувашей хранитель счастья.

² Киреметь — место, где, по поверьям, пребывал злой дух.

сест три каравая хлеба, выпивал бочку воды и в неделю стал словно двадцатилетний.

Спрашивает Иван у родителей:

— Отчего так плохо живёте?

— Потому, сынок, бедно живём, что нет у нас счастья и удачи, — ответил старик.

— Ну, так я пойду искать удачу, — сказал Иван, — и найду её.

И отправился Иван искать счастья. Идёт он день, идёт два и три. И только на седьмой день привела его дорога к дивному месту. Увидал он медное озеро. На берегу того озера раскинулся красивый сад. Все яблони в саду бронзовые, листья на яблонях бархатные, а яблоки красной меди.

Смело перемахнул Иван через медный тын и увидел посредине сада большой ток из красной меди, а возле тока медный дом.

Вошёл в дом — нет никого, только пахнет жареной бараниной, а Иван очень проголодался. Недолго думая вытащил из печки жаркое и съел всё дочиста. Потом лёг на кровать и уснул крепким богатырским сном.

Много ли, мало спал, пробудился от страшного шума-гама. Будто бурей сорвало медную дверь с петель, и в горницу влетел лохматый орёл, весь в медных перьях. Ударился он об пол и обернулся человеком.

— Кто осмелился зайти в мой дом непрошеным, незванным и пользоваться моим добром?

— Я осмелился, — ответил Иван.

— Ах, это ты Иван-батыр! — закричал орёл. — Слышал про тебя. Живым отсюда не уйдёшь!

— Что ж, если хочешь силой меряться, — проговорил Иван, — выйдем из дому.

Вышли оба на медный ток, стали друг против друга.

— Начинай! — скомандовал орёл.

— По нашим чувашским обычаям, — сказал Иван, — первым начинает тот, кто просит боя.

Орёл мешкать не стал. Расправил плечи, размахнулся и так ударил Ивана, что тот по колени в медный ток ушёл. Но

в ту же минуту он вскочил, легонько ударил противника, и орёл-великан по шею в медный ток провалился. Повертелся, подёргался и запросил пощады:

— Не убивай меня! Будь моим старшим названным братом.

Вытащил его Иван, и отправились они с орлом путешествовать. Прошли чуть ли не тысячу вёрст и увидели серебряное озеро. Возле озера серебряный сад окружён серебряной оградой. В саду серебряные яблони с серебряными плодами. Посреди сада серебряный дворец, а перед дворцом просторный серебряный ток.

Оставил Иван медного орла на берегу серебряного озера, а сам перескочил через серебряный ток и зашёл в серебряный дворец. Напился, наелся и повалился спать-почивать.

В скором времени пошёл грохот, поднялся шум, дверь с петель сорвалась, и влетел в серебряный дворец орёл в серебряных перьях.

Обернулся орёл добрым молодцем, стал браниться:

— Какой невежа осмелился зайти сюда без моего ведома?

Потом заметил Ивана.

— А! Сам Иван-батыр пожаловал! — крикнул он. — Прийти-то пришёл, а назад живым не уйдёшь!

Вышли на серебряный ток. Изо всей силы ударил серебряный орёл Ивана и по пояс вогнал его в серебряный ток. Легко выбрался добрый молодец и сказал:

— Теперь моя очередь.

Вполсилы ударил серебряного орла и по самую шею вогнал в ток. Сколько ни бился орёл-великан, выбраться не мог и стал просить:

— Будь моим старшим названным братом!

Протянул Иван ему руку, помог выбраться, и тронулись они в путь втроём.

Шли долго ли, коротко ли, увидели предивное золотое озеро. К озеру золотой сад примыкал. В саду золотые яблони с золотыми яблоками. За золотым тыном золотой дворец стоит, а возле дворца золотой ток. Оставил Иван своих спут-

ников возле озера, а сам перелез через золотой забор и вошёл во дворец. Поел и попил сколько хотел, потом лёг на пуховую постель и крепко уснул.

Вдруг засверкала молния, загремел гром, поднялась сильная буря, и влетел во дворец лохматый громадный орёл в золотых перьях. Обернулся он батыром и заговорил:

— Кто это тут разлёгся на моей пуховой постели? Выходи на волю!

Вскочил молодец с постели.

— А! Это Иван-батыр! Слышал я о тебе. Давай силой меряться.

Только вышли, как ударил золотой орёл Ивана изо всех сил и вбил по самую шею в золотой ток. Напряг Иван все свои силы и выкарабкался, стал на ноги и со страшной силой обрушил удар на противника. По самую макушку забил его в золотой ток. Только голос слышался:

— Напрасно я понадеялся на свою силу. Вижу теперь: ты много сильнее меня. Будь моим старшим названным братом.

Вызвали Иван золотого великана, и пошли они вчетвером искать счастья.

Шли степями широкими, через дремучие леса пробирались, переправлялись через озёра и моря. По многим государствам прошли и достигли таких мест, где солнце всегда грело по-летнему.

Встретилась им на лесной поляне изба, огороженная высокою железной стеной. Всем хотелось поесть и отдохнуть. Но ни калитки, ни ворот в железной стене найти не могли. Принялись орлы-великаны стену ломать. Сколько ни бились, ничего поделать не смогли. Стоит стена, как стояла. Тогда ухватился за железный лом Иван-батыр, ударил раз, другой и пробил в стене пролом. Вошли через пролом на широкий двор. На дворе семь быков, а в избе никого нет.

Зарезали быка.

— Вари обед, — сказал Иван-батыр медному орлу, — а мы пойдём за ворота, поглядим, поразведем да дров ещё припасём.

Сварил медный орёл быка, сидит ждёт остальных. Вдруг за дверью послышался голос:

— Открывай двери!

Открыл он и видит: стоит за порогом стар-старичок, сам с локоток, а борода — сажень длиной.

Старичок попросил:

— Внеси гостя в избу, посади за стол!

Внёс медный орёл старика в избу, посадил за стол.

— Чего это у тебя в котле? — спросил старичок с локоток.

— Мяса наварил, братьев обедать жду, — ответил медный орёл.

— А-а, моего быка порешил! — закричал старик.

Выдернул он из бороды три волосины, скрутил-связал теми волосинами медного орла, суп и мясо съел и скрылся неизвестно куда.

Воротились в избу три батыра, принесли дров.

— Готов обед? — спрашивают.

А медный орёл кое-как освободился от волосяных пут, встал из-под лавки и говорит:

— Когда печь растопил и стал обед варить, до того угорел, что и не помню, как упал под лавку.

— А обед где?

— Ничего не помню, только вот сейчас очнулся.

Нечего делать, зарезали другого быка, оставили обед варить серебряного орла, а сами ушли.

Принялся серебряный орёл за дело. Скоро мясо уварилось.

— Отвори двери!

Дверь otvorил, увидал за порогом старичка с локоток, борода — сажень длиной.

— Чего стоишь? Внеси меня в избу, посади за стол, — говорит старичок с локоток.

Поднял его серебряный орёл, а старик тем временем выдернул из бороды три волосины, связал богатыря, побил, помял его и бросил под лавку. Сам мясо съел, суп выхлебал и исчез, будто его и не бывало.

Пришли батыры и спрашивают:

— Управился с обедом?

— Какое управился! Принялся варить да так угорел, что и память отшибло. Сейчас только очухался.

Поискали, искали, ни супа, ни мяса не нашли и повалились спать несолоно хлебавши.

На другой день зарезали третьего быка и говорят золотому орлу:

— Сегодня твой черёд: вари обед, а мы скоро придём.

Сказали и ушли.

Только успело мясо увариться, как раздался стук в дверь. За дверью старичок с локоток стоит. И говорит он:

— Перенеси меня через порог, посади на лавку!

Поднял его золотой орёл, а старичок — раз, раз! — закрутил, связал его тремя волосинами и принялся бить. Бил, бил, под лавку бросил:

— Лежи там!

А сам весь обед съел без остатка и скрылся.

Кое-как успел только золотой орёл развязаться, как воротились три батыра:

— Давай обедать!

— Какой тут обед! — молвил золотой орёл. — Изба такая угарная, чуть жив остался, лежал без памяти, покуда вы не пришли.

— Ну ладно, — засмеялся Иван-батыр, — ступайте, орлы-великаны, дров припасите, а я стану обед варить и погляжу, что тут творится.

Зарезал он четвёртого быка, положил в котёл и поставил в печь.

Приготовил обед. «Скоро должны быть мои названные братья», — подумал он. И в ту же минуту услышал из-за двери голос:

— Открой дверь гостю!

— Открывай сам! — крикнул Иван.

Дверь отворилась, и вошёл в избу старичок с локоток, борода — сажень длинной тянется.

— Посади меня за стол! — просит.

— Сядешь и сам, коли есть хочешь.

— А чего это у тебя в печи варится? — спрашивает старик.

— Быка освежевал, обед варю, — отвечал Иван-батыр.

Старичок с локоток вырвал три волосины из бороды и кинулся на Ивана:

— Покажу, как моим добром пользоваться!

Схватил Иван-батыр старика в охапку и давай трепать. Бил, бил, вынес на улицу, нагнул высокое дерево, привязал к нему за бороду непрошеного гостя. Отпустил вершину, и взлетел старичок кверху.

Воротился в избу, а тут и орлы явились. Иван встречает их, посмеивается:

— Узнал я, что за угар в этой избе. Теперь угар ваш на вершине дерева висит.

— Где, где? — заговорили названные братья-орлы. — Пойдём поглядим!

— Никуда он не денется, — остановил их Иван. — Пообедаем, тогда и посмóтрите. Садитесь за стол!

Пообедали. Вышли на двор. Смотрят, а на макушке дерева только клочья бороды висят.

— Видно, очухался и сумел отвязаться, — сказал Иван-батыр. — Ну ничего, найдём по следам.

Пошли все четверо по следам старичка с локоток. Следы привели их к бездонной пропасти. Разрезали они бычьи шкуры на ремни, связали, и получился длинный ремённый трос.

— Ну, кто первый спустится в подземелье за стариком? — спросил Иван-батыр.

Орлы с ноги на ногу переступают, молчат.

— Что ж, придётся, видать, мне спускаться, — заговорил Иван. — Привяжем ремень к дереву, а вы стойте здесь. Когда дёрну три раза, тащите.

С теми словами ухватился добрый молодец за ремень и стал спускаться. Спускался долго. Один за другим миновал он шесть слоёв земли. А когда спустился за седьмой слой, ремень кончился. Видит Иван-батыр — до дна недалеко. Он

соскочил наземь и оказался в подземном царстве. Заметил недалеко избушку. Стены стеклянные, а крыша шёлковая.

Иван зашёл в избушку и видит: стены в ней зеркальные, а за стеклянным столом сидит девушка-красавица.

— Кто ты есть, молодец? — спросила девушка. — И как попал в подземное царство?

— Я ищу старичка с локоток, борода — сажень длиной, — отвечал Иван.

— Не знаешь ты, видно, что это и есть царь подземного царства, злой и страшный колдун Чиге-хурсухал. Он давно держит нас, трёх сестёр, в плену, не выпускает на белый свет.

— А где же он сейчас? Как к нему добраться, скажи мне, красавица.

— И сама не знаю, где он находится. Ступай к средней сестре, может, она укажет.

Распростился Иван с девушкой и пошёл к средней сестре. Издали он увидел домик с серебряной крышей. На крыше месяц светил и звёзды сверкали. Зашёл Иван в домик, увидел девицу, ещё краше первой, поклонился ей и спросил:

— Скажи, красавица, как мне разыскать Чиге-хурсухала?

— Разве неведомо тебе, молодец, что он страшный колдун? Ведь он убьёт тебя!

— Не бойся, красавица! Знаю я этого старика, за тем и пришёл сюда, чтобы помериться с ним силой, а заодно и вас, трёх сестёр, освобожу из плена. Скажи, как его разыскать?

— Придётся тебе, добрый молодец, идти к нашей старшей сестре, только она знает, где сейчас находится Чиге-хурсухал.

Иван-батыр мешкать не стал, направился к старшей сестре. Вышел на морской берег и тут увидел избушку с золотой крышей. У крыльца трёхголовый змей сторожит избушку, никого не пропускает. Не успел Иван меч обнажить, как выскочила на крыльцо девица, столь красивая да приветливая,

Не успел Иван меч обнажить, как выскочила на крыльцо девица...

век бы на неё глядеть не наглядеться. Взглянул на неё добрый молодец, да так и обомлел, а на сердце у него стало тепло и радостно, будто летним солнышком обогрело. И красавица, глядя на него, зарделась, словно маков цвет. А потом испуганно заговорила:

— Как ты, добрый молодец, попал в это страшное подземное царство злого волшебника? Ведь не выпустит тебя живым отсюда Чиге-хурсухал!

— Волшебника-старика я не боюсь, — отвечал Иван. — Скажи только, как мне его найти? Хочу с ним помериться силой и тебя с сёстрами из плена освободить.

Подала ему девица — ненаглядная красота коромысло и золотой перстень:

— Ступай по берегу и дойдёшь до огненного залива. Вода там пламенем полыхает. Ты окуни семь раз коромысло, и Чиге-хурсухал выйдет на сушу. А в перстне, что я тебе дала, сокрыта большая сила. Когда почувешь, что ослабел, сними перстень с мизинца и надень на безымянный палец. Сила в тебе утроится. Ох, поскорее бы ты живым-невредимым воротился!

Поблагодарил Иван, распрощился с прекрасной девицей и пошёл по берегу моря. Добрался до залива, в котором вода словно пламя горела, и принялся опускать в море коромысло. Когда окунул коромысло седьмой раз, всколыхнулась вода в заливе и пламя улеглось.

Послышался голос:

— Кто смеет меня беспокоить?!

И вслед за тем выбрался на берег старик Чиге-хурсухал:

— А-а-а! Это ты опять мне поперёк дороги становишься! Ну, знай, живым не отпущу!

Кинулся на молодца старик, теперь уже не с локоток, а громадного роста. Иван едва успел снять перстень с мизинца и надеть на безымянный палец. Бились они, бились, оба по колени в землю увязли. Тут Иван изловчился и так крепко ударил злого колдуна по голове, что вбил его по плечи в землю, выхватил меч и отсек напрочь голову. После того по-

шёл к золотоверхому домику. Девица-краса на крылечке его дожидалась.

— Ой, как я рада, что вижу тебя живым-здоровым! — проговорила она и зарделась, залилась румянцем.

И опять Ивану-батыру легко и радостно стало на душе.

— Теперь и ты и сёстры твои навсегда избавились от злого колдуна, и мы с моими названными братьями выведем вас из подземного царства.

Засуетилась красавица, захлопотала. Достала из укладки золотое яичко и, когда они вышли на улицу, перебросила яичко с руки на руку. В ту же минуту не стало домика-дворца с золотой крышей.

Подавала яичко Ивану:

— Как только перебросишь яичко с руки на руку, станет златоверхий дворец со всем, что в нём есть, там, где тебе понадобится.

В скором времени зашли они к средней и младшей сёстрам, и все четверо добрались до места, где висел ремённый трос. Иван чутóк надставил конец ремня и сказал:

— Сперва пусть по очереди поднимут вас, прекрасные девицы, а потом и я подымусь.

Первой привязал он к ремню младшую сестру и подёргал ремень. Орлы вытащили девицу. Глядят не наглядятся.

— Там остались мои две сестры, опускайте ремень, — сказала девица.

Когда вытащили среднюю и старшую сестру, медный орёл шепнул:

— Лучших невест нигде не сыскать. Я на младшей женюсь, тебе, средний брат, средняя сестра, а золотой орёл на старшей женится, если оставим Ивана в подземном царстве.

С теми словами выхватил он меч и пересек ремень.

Упал ремень к ногам батыра, и понял Иван, что предали его орлы. Подумал-подумал, как быть, и пошёл куда глаза глядят. Шёл, шёл и пришёл в большую деревню. Попросился в крайней избе:

— Люди добрые, пустите отдохнуть прохожего человека!

В избе застал одну старуху. Плачет хозяйка, голосит:

— Горе-печаль нас, добрый молодец, извели вконец. Уж который день без воды сидим, от жажды изнываем.

— А чего так? — спрашивает Иван. — Озеро рядом, а без воды сидите?

Пуще прежнего заплакала старуха и сквозь слёзы пожаловалась:

— Поселился, видишь ты, в нашем озере двенадцатиголовый змей. Кто ни придёт за водой, всех пожирает. Вот и живём да смерти ждём, боимся за водой идти.

— Дай-ка мне вёдра, по воду схожу, погляжу, какой такой змей!

Взял вёдра, пришёл к озеру и только успел зачерпнуть воды, как забуригла вода, поднялась большая волна и показалося из воды чудовище о двенадцати головах.

— Три дня добычи дожидался, — зарычал змей, — и вот дождался!

Раскрыл змей все двенадцать пастей и кинулся на Ивана. Встретил его молодец ударом меча и отсека сразу три головы. Закипел жаркий бой — смертная игра. Долго бились. Удалось Ивану отсечь ещё три головы, и почувствовал он: иссякли силы, ослабела рука. А змей по колени его в землю втоптал. Вот-вот совсем одолеет. Тут вспомнил про кольцо, которое подарила ему девица-душа. Сдёрнул перстень с мизинца, надел на безымянный палец и сразу стал втрое сильнее против прежнего. Утроились силы, и страх перед змеем пропал. Рубит мечом, и катятся одна за другой змеинные головы. Отсек двенадцатую голову, и рухнуло бездыханное чудище наземь.

Встретили Ивана-батыра все жители деревни от мала до велика. Обнимают и прославляют его:

— Проси, добрый молодец, чего хочешь, за то что избавил нас от змея, спас от неминуемой смерти.

— Кабы пособили вы мне из подземного царства выбраться на белый свет, так то и была бы мне награда, — проговорил Иван.

— В этом помочь тебе может лишь птица Амарт, — при-

советовал самый старший старик. — Живёт птица Амарт на двадцатисаженной сосне. Придётся идти к ней.

Распрощался молодец с народом и отправился в путь. Пошёл к сосне, а в ту пору большая змея подползала к огромному гнезду на сосне. Из гнезда со страхом глядели на змею птенцы. Пожалел их Иван, поднял большой камень и убил змею. Обрадовались птенцы, защебетали:

— Спасибо, добрый человек, избавил нас от смерти. Скоро прилетит наша мать, птица Амарт. Она отблагодарит тебя.

В ту пору пошёл по лесу страшный шум и всё кругом потемнело. Закрыла своими крыльями птица Амарт солнце. Птенцы запищали:

— Зачем нас надолго одних оставила? Напала на гнездо большая змея, съела бы она нас, если бы добрый молодец не защитил.

Тут и заметила птица Амарт Ивана-батыра.

— Чем отблагодарить тебя, добрый молодец, за доброе дело? — спросила она.

— Помоги мне подняться из подземного царства на белый свет, — попросил Иван.

— Поднять-то я тебя подыму. Дорога знакомая, но дальняя, а ты больно тяжёлый. Заготовь двенадцать пудов мяса и двенадцать вёдер воды. Когда станем подыматься, ты смотри: поверну ежели голову направо, кидай мне в рот мясо, а налево поверну — пить давай. Без того сил не хватит вынести тебя на белый свет.

Воротился Иван в деревню, рассказал, чего требует птица Амарт. Народ с радостью помог ему. Погрузил Иван припасы на спину птице Амарт, сам сел на неё. Взмахнула птица десятисаженными крыльями и полетела. Повернёт голову направо, Иван кидает ей в рот мясо, налево повернёт голову, он пить даёт. Летели, летели, все припасы стали к концу подходить, а птица Амарт чаще и чаще поворачивала голову то вправо, то влево. Под конец ни мяса, ни воды не осталось, и в эту самую пору вылетела птица на белый свет, упала вместе с Иваном наземь и проговорила:

— Если бы пришлось ещё хоть немного подыматься, сбросила бы тебя, молодец, так я ослабела от голода и жажды. А теперь прощай. Ступай, куда тебе надо, а я к деткам тороплюсь.

Поблагодарил Иван птицу Амарт и тронулся в путь. Идёт да радуется: «До чего же хорошо на белом свете! Радостно идти по родимой обжитой земле, не то что в подземном царстве!»

Шёл долго ли, коротко ли и добрался до золотого дворца, где золотой орёл жил. А там пир горой. Все три орла свадьбу играют, собираются трёх сестёр-красавиц к венцу вести.

— Знаете, как за измену и предательство карают? — крикнул Иван.

Выхватил было свой острый меч, а потом остановился:

— Неохота мне на радости, что выбрался на землю, кровь проливать. Уходите прочь отсюда куда знаете, лишь бы не видеть мне изменников, чёрных предателей!

Убежали орлы без оглядки, скрылись неизвестно куда.

— А вы, красавицы, узнали меня? — обратился он к девицам.

Младшая и средняя сёстры головами покачали:

— Что-то не припомним, кто ты такой.

А старшая сестра кинулась Ивану на шею:

— Дорогой, желанный Иванушка! Можно ли тебя забыть? Я всё время о тебе помнила, плакала и надеялась, что не навек с тобой разлучилась! Ведь я перстень свой тебе отдала и своим суженым назвала.

Отправил Иван-батыр среднюю и младшую сестру к их родителям, а старшую привёз к своим старикам, к отцу с матерью.

Встретили их отец и мать с великой радостью.

— Ну как, сынок, — спросил отец, — нашёл ли ты счастье?

— Трёх пленниц из подземного царства освободил, злого волшебника убил, народу пособил освободиться от двенадца

тиголового змея, красавицу невесту, верную и любящую подругу нашёл. Это ли не счастье?

— Правда, сынок. Видать, не зря ты родной дом покинул да по белу свету странствовал. Невеста твоя нам с матерью по душе пришлась, и мы с радостью благословляем вас. Живите в мире и согласии, как прожили мы свою жизнь.

И завели свадебный пир на весь мир. И я на том пиру был, обо всём этом узнал и сказку рассказал.

ПРО ДЕВУШКУ И ПРО УЖА

Старые люди рассказывают, будто слышали ещё от своих дедушек да бабушек, как появились на свете кукушка, жучок-рогачок да стрекоза.

В стародавние времена у старика со старухой было три дочери. Как-то раз побежали девушки на речку купаться. Две старшие искупались, вышли из воды, оделись и ушли домой, а младшая сестра замешкалась в реке и, когда вышла на берег, увидала, что на её платье лежит огромный ўж. Испугалась девушка, заплакала. Не знает, как ей быть, что делать.

И вдруг услышала: заговорил ўж человеческим голосом.

— Если пообещаешь прийти ко мне в гости, верну платье, — сказал уж.

Что девушке делать? Не без платья же домой идти.

— Приду к тебе в гости, только скажи, где живёшь, как тебя найти.

— Приходи на это же место и негромко покличь: «Яку, Яку! Покажись!»

Сказал так и тотчас уполз в воду. Девушка скорым-скоро оделась и побежала домой.

А вечером, как стало смеркаться, улучила время и пришла на берег, на то самое место, где с сёстрами купалась. Пришла и тихонько позвала:

— Яку, Яку! Покажись!

Взволновалась вода, и на берег выплыл уж.

— Ступай вслед за мной, не бойся! — позвал он и снова погрузился в воду.

Не успела девушка ступить в реку, как очутилась в просторных сухих сениях. Оглянулась туда-сюда — никого нет. В это самое время отворилась дверь. Вошла девушка и попала в горницу, светлую и богатую. Пол и лавки покрыты дорогими коврами, на столе камчатая скатерть, на скатерти расставлены серебряные подносы, со всякими кушаньями. Стоит девушка посреди горницы, с ноги на ногу переступить не смеет: всё ей тут непонятно, всё в диковинку.

— Садись угощайся, красавица! Пей, ешь чего пожелаешь! — слышался голос из другого покоя.

Несмело девица присела к столу, попробовала того, другого кушанья, и всё ей показалось таким приятным на вкус — век такого не приходилось отведывать. Вдруг свет померк и в горнице сделалось темным-темно — глаз выколи, не увидишь. Почувствовала девица, что кто-то сел с ней рядом, а видеть — ничего не видит. Перепугалась пуще прежнего, вся дрожмя задрожала.

— Не бойся, красавица, — услышала она рядом с собой голос. — Это я сел рядом с тобой. Хочу тебя спросить. Если пойдёшь за меня замуж, откроюсь, а нет, так никогда не увидишь меня! Никто тебя не обидит. Погостишь и уйдёшь домой, а меня в великой печали оставишь. Крепко я полюбил тебя и надеялся, что станешь ты моей женой!

После этих слов совсем растерялась девица. Сидит молчит, не знает, что в ответ сказать. Неужто этот страшный громадный уж рядом с ней сидит, замуж сватает? Думает: «Ни за что замуж за ужа не пойду. А может, это и не уж? Голос нежный, ласковый. Кто это?»

И опять послышался тот же ласковый голос:

— Думай, девица-красавица, думай! Я тебя не неволю. Какой ответ сердце подскажет, так и отвечай.

— Сдаётся мне, — проговорила девица, — ты не уж. А кто такой, не знаю.

— Если согласишься выйти за меня, во всём тебе откроюсь, а нет, так и знать не надо, кто я такой, — услышала она тот же ласковый голос.

Подумала-подумала девица, вздохнула и будто про себя сказала:

— Видно, так на роду написано. Суженого, сказывают, и на коне не объедешь. Будь по-твоему. Обещаю быть тебе верной и любящей женой.

И только успела она это проговорить, как стало в горнице светло, будто в самый яркий солнечный летний день. Глянула девушка в ту сторону, откуда голос слышался, да так и ахнула. Смотрит и глазам не верит: сидит рядом с ней молодец в богатом наряде и такой из себя красивый — глаз отвести нельзя. Глядит на него не наглядится, и на сердце легко да радостно у неё.

— Вот уж год, как я здесь живу, — заговорил молодец, — и осталось ещё пять лет прожить так, а потом, как только назначенный срок истечёт, навсегда расстанусь с личиной ужа и буду тем, кого ты сейчас видишь перед собой. Тогда перевезу тебя отсюда в своё царство, и все, кто знает и видит сейчас меня в образе ужа, увидят таким, каким ты одна теперь видишь меня. Никогда и никому не рассказывай про то, что ты от меня узнала, иначе мне грозит большая беда!

С теми словами он подал девице золотое обручальное кольцо и красиво отделанный сундук.

— Тут твои свадебные наряды, которые ты наденешь, когда посланец мой через три дня приедет за тобой. А теперь ступай домой и помни, что ты должна хранить мою тайну.

Свет потух, и девица не заметила, как оказалась на берегу.

Родители и старшие сёстры ужинали, когда она с сундуком вошла в избу. Мать спросила:

— Где ты, доченька, была? Мы кликали, по всей деревне искали — нигде не нашли.

Отец ничего не сказал, а сёстры выскочили из-за стола и кинулись к сундуку.

— Что это? Откуда ты взяла столь дорогую укладку? — затараторили они, перебивая одна другую. — Открой скорее, покажи, что в сундуке!

Открыла меньшая сестра крышку, и в глазах у неё заребрило, а сёстры наклонились над сундуком и стоят как заворожённые, с места сдвинуться не могут. Отец с матерью тоже вышли из-за стола и принялись глядеть, как дочь вынимала один за другим дорогие наряды: сарафан атласный, душегрейку парчовую, соболями отороченную, башмаки с серебряными пряжками, ожерелье из чистого жемчуга, а на самом дне сундука нашли кошелёк, туго набитый золотом и серебром. Протянула руку с кошельком меньшая дочь отцу с матерью:

— Это вам поклон от моего жениха!

И тут же рассказала, как она с ужом встретилась и как он её замуж высватал.

Сёстры, как услышали, руками всплеснули, заойкали, заахали, а мать слезами залилась:

— Неужто не нашлось бы тебе жениха? Что это ты выдумала за чёрного гада замуж идти!

Отец ничего не сказал. Он перебирал золотые и серебряные монеты и словно про себя шептал:

— А ведь деньги эти настоящие. Можно и новый дом поставить и старшим дочерям приданое справить, да ещё и останется на чёрный день.

Дочь-невеста в пояс родителям поклонилась и сказала:

— Не браните меня, не серчайте! Видно, на роду мне написано так замуж выйти. Через три дня приедут от жениха за мной, и придётся нам расстаться. Теперь уж делать нечего: обручённая я. — И показала золотое кольцо.

Так день прошёл и другой прошёл, а на третий день ут-

ром залились перед избой звоном колокольчики, и тройка лихих коней, в серебряной сбруе, остановилась у крыльца. На кучере шляпа с павлиньим пером и кафтан в позументах. Слез кучер с козел, поднялся на крыльцо и проговорил:

— За невестой приехал. Готова ли она?

— Давно дожидается, — отвечал отец.

В ту самую минуту вышла на крыльцо невеста, в дорогие обновки наряженная, а с ней вместе и старшие сёстры. Мать слезами залилась, а сёстры сбежали с крыльца и припали к окнам кареты. В карете, свернувшись в кольца, лежал громадный уж. Отпрянули девицы от кареты, захихикали, зашептались.

— Это и есть жених? — проговорила одна.

— Ни за какие богатства не пошла бы за это страшилище! — сказала другая.

Меньшая дочь распростилась с родителями, спустилась с крылечка, обнялась с сёстрами и вошла в карету. Кучер вскочил на козлы, натянул вожжи. Понеслись кони, зазвенели колокольчики, и вскоре скрылась тройка из виду.

Как только вполз уж в подводный дом, тотчас превратился в писаного красавца, доброго молодца, и стали они жить-поживать с молодой женой.

Три года миновало, как поселилась меньшая дочь в подводном доме. Живут они с мужем в любви да в согласии, друг на друга не нарадуются, растят сына и дочь. И всё у них хорошо да ладно. Но как вспомнится молодухе родительский дом, заскучает она и скажет:

— Отпустил бы ты меня, ясный сокол мой, отца с матерью повидать! Хочется узнать, как они там живут. Сестрицы, поди, замуж вышли... На их житьё-бытьё взглянуть охота!

— Недолго осталось нам с тобой от людей скрываться, — отвечал муж. — Через год минет срок, и будем мы с тобой жить, как все люди!

А жене-красавице не терпится своих повидать. Снова принимается просить мужа, уговаривать. И вот когда до срока осталось всего три недели, опять стала проситься:

— Завтра праздник в нашей деревне. Вся родня к родителям соберётся. Позволь и мне с ребятами пойти. Пусть бабушка с бабушкой на внучат поглядят, порадуются, какие у нас с тобой детки славные!

— Потерпела бы ещё три недели, а потом и я навсегда сменил бы личину ужа, и все вместе поехали бы. А сейчас пойдёшь, беды бы какой не случилось...

— Ну какая может беда приключиться. Скажу, что тебе нездоровится, а, дескать, через три недели и все в гости приедем.

— Ступай, ежели так не терпится, — сказал молодец, а сам тяжело вздохнул.

Захлопотала молодая, сама по-праздничному оделась, сына и дочь нарядила, как княжеских детей. Только вышли в сени, как тотчас оказались на знакомом берегу, а тут и тройка их дожидается. Только успели сесть, как куцер свистнул, гикнул, рванулись кони, залились колокольчики и вмиг примчались к новому просторному дому с расписными наличниками, что отец на месте старой избы поставил.

Заслышали в доме колокольчики, увидали из окна карету, и вся родня высыпала навстречу: отец с матерью, средняя да старшая сёстры с мужьями и остальные родственники. Вышла меньшая дочь с ребятами из кареты, и умчалась тройка, будто её и не бывало.

Мать с сёстрами кинулись обнимать гостью с ребятами. Ахают, охают, на наряды любуются. Сына с дочерью на руки подхватили, и все пошли в дом. Там принялись угощать да выпрашивать.

— Чего это ты до сих пор не показывалась нам и ребятток не привозила? — стала пенять-выговаривать старшая сестра.

Старики на внучат глядят, не нарадуются. Ласкают их, потешают. А средняя сестра на богатые наряды дивится, расспрашивает:

— Этакое богатство нам и во сне ни разу не привиделось! Ну да ведь и через золото слёзы льются, — притворно вздохнула она. — Богат да горбат, какое в том счастье?

А сама от зависти лопнуть готова. Глаза горят, руки-ноги дрожат, а старается виду не показывать.

— Не зря, сестрица, позарилась на богатство. И сама и детки в шелка да в бархаты выряжены, в карете разъезжаете. Куда теперь до тебя нашим барам! Хоть бы в гости позвала. Охота на твоё обзаведение поглядеть. Слухи ходят, что палаты у вас княжеским под стать и добра всякого да денег невпроворот! Да ведь и муженьку-то твоему, сколь он ни горд, надо бы с родными повидаться, а не гнушаться нами!

— Недужится ему, — отвечала меньшая сестра. — Как полегчает, так недели через три мы всей семьёй сюда в гости приедем. Тогда и повидаетесь, познакомитесь с ним.

— Живёшь ты, как рассказывают, в подводном дворце, — продолжала завистливая сестра. — А вот когда надо тебе с детками домой попасть, неужто и сама и деточки в воду, как рыбы, ныряете?

— Зачем же нам нырять? — отвечала бесхитростная младшая сестра. — Когда понадобится, приду на берег, покричу негромко: «Яку, Яку! Покажись!» Он тотчас выплывет, и по его слову я сразу дома окажусь. А дом у нас просторный, сухой да светлый. И живём мы нисколько не хуже, чем на земле.

Выслушала всё это средняя сестра-завистница, и запала ей в душу чёрная дума.

Тот день в угощении, в разговорах да в хлопотах прошёл. Поздно вечером, когда все уgomонились и крепко заснули, разбудила средняя сестра мужа и принялась нашёптывать:

— Вставай скорее! Сестрица-то, змеиная боярыня, проговорила, как в ихний подводный дворец можно пробраться. Ступай запряги коня, топор поострее прихвати, и поедem, покуда все спят. Голос у меня схожий с сестриным. Я покричу ужа, а ты не зевай. Как выплывет, бей топором и ничего не бойся. Змея, она и есть змея. Ни перед кем ответа держать не надо. А богатством попользуемся и сестрицу с ребятами из беды-неволи выручим.

— Чего это ещё выдумала? — зашептал муж в ответ. — Куда среди ночи поедет? Да, может, она и любит его?

— Молчи, лежебока! — зашипела жена. — Она сама меня вечером уговаривала избавить её от чудовища. А денег у змеи столько, что нам и детям нашим век не прожить. Упустим такой случай — другого не будет. Так и станем всю жизнь в нужде маяться. Вставай скорее и делай, что велю! После сам мне спасибо скажешь!

Внял наконец мужик тем злым речам. Потихоньку, чтобы никого не разбудить, поднялись они, вышли на двор, запрягли коня и поехали на берег.

— Спрячься покуда за телегу и держи топор наготове, — прошептала жена.

А сама в сестрином наряде подошла к воде и потихоньку позвала:

— Яку, Яку! Покажись!

Не прошло и минуты, как вода всколыхнулась и показался уж.

— Чего это ночью тебе вздумалось возвращаться? — негромко проговорил он. — Коли бы знал, карету бы прислал.

— Ребятки по тебе стосковались, домой запросились, — прошептала она в ответ.

В ту пору подплыл уж к самому берегу. Из-за телеги выскочил мужик, взмахнул топором и отсек ужу голову.

После того средняя сестра с мужем, сколько по воде ни бродили с шестом, никакого подводного дворца не нашли. Так ни с чем, когда чуть светать стало, и воротились. Распрягли коня и потихоньку спать легли.

На другой день вечером стала меньшая дочь со своими детушками собираться домой. Со всеми попрощалась и сказала отцу с матерью:

— Через три недели ожидайте нас с мужем в гости! А теперь не провожайте. Не надо!

Подхватила сына с дочерью и пошла на берег.

— Яку, Яку! Покажись! — покликала она раз, другой и третий.

Кличет, а всё напрасно. Никто из воды не показывается. Принялась она бегать, всматриваться и вдруг заметила: лежит голова ужа на песке — волной прибило. Всплеснула молодлица руками да так и упала замертво на песок. Долго ли так пролежала, неизвестно. Очнулась, как услышала, что дети плачут. Вскочила на ноги и закричала:

— Ох, несчастные мы с вами, детушки! Будь же ты, сыночек, отныне жучком-рогачом, а ты, доченька, стань стрекозой! Так и станем жить-горевать возле этой речки!

А сама тотчас обернулась кукушкой, стала кружить над речкой и тоскливо запела, закуковала:

— Я-кк-у! Я-кк-у! Я-кк-у!

ОТКУДА ВОЛГА НАЧАЛАСЬ

давние-предавние годы, рассказывают, когда ещё и прадедов наших на свете не было, жила-была бедная вдова с сыном. Ютились вдова да сын её Мижок в ветхой, покосившейся избёнке. Зиму кое-как с хлеба на квас перебивались, а весной и летом на траве, на ягодах да на грибах держались. Худо жилось вдовице с сыном.

Как-то раз летней порой, после дождика, пошла старуха за грибами. Ходила, ходила, да всё напрасно: ни одного грибка не нашла. «Дай хоть хворосту вязанку домой отнесу, — подумала она. — Не с пустыми руками из лесу возвращаться!»

Стала хворост собирать и набрела на ворох сухого ва-лежника. Когда разобрала ворох, под ним заметила на сырой земле огромного ужа. У ужа желтели на голове рожки.

Старуха тотчас скинула с себя рубаху и разостлала рядом с ужом. Заполз уж на рубаху и стал извиваться, а потом уполз в кусты.

На рубахе остались жёлтенькие рожки.

Старуха несказанно обрадовалась, надела рубаху, завязала рожки в платок и заторопилась домой.

— Счастье-то какое нам, сыночек, привалило! — закричала она с порога, развязала узелок и показала рожки.

— Чему ты радуешься? — спросил парень. — Какой в них прок?

— Батюшки светы! — всплеснула мать руками. — Да разумеешь ли ты, бестолковый, что дороже таких рожек нет ничего на свете! Это не простые, а волшебные. Кому посчастливилось их добыть, тот на веки веков своё счастье нашёл. Клади рожки в закрома с зерном — хлеб убывать не станет, в кошелёк сунешь рожки — в деньгах убыли не будет, сколько ни расходуешь. Вот какая благодать досталась нам с тобой!

Сын после тех слов достал кошелёк, пересчитал деньги. Оказалось там всего три рубля с копейками. Положил рожки в кошелёк и пошёл на базар. Присматривался, приценивался к разным товарам. Сперва боялся деньги потратить: «А ну как рожки не восполнят убыли?» — думал он. Потом примерил новые сапоги со скрипом, какие богатые парни по праздникам обувают, и не мог удержаться. Купил сапоги, заплатил три рубля. Отошёл в сторону, заглянул в кошелёк, а там как было три рубля с копейками, так столько же и осталось.

Подивился Мижок, обрадовался и накупил муки, пшена, масла да обновок разных столько, что насилу домой донёс. Купит, заглянет в кошелёк, а денег нисколько не убывает.

Так и домой принёс столько, сколько до базара было в кошельке.

Так они покупали да кое-что из покупок продавали, и денег становилось всё больше, а убыли не было, сколько они ни тратили. Разбогатели. Выстроили новый дом просторный

на месте прежней избёнки. Обзавелись хозяйством. Парень даже в будни ходил нарядный, как в праздник, поскрипывая новыми сапогами. И сверстники прозвали его Ада́лл Ми-жок¹.

В скором времени задумала вдовица женить сына. Высватала дочь богатых родителей, денег на свадьбу не пожалели.

Все в округе дивились: откуда взялось такое богатство?

Но ни мать, ни сын никому ни о чём не рассказывали. Даже молодухе не проговорились о чудесных рожках.

Пришла зима, и невестка села за пряжу. Жадная свекровь сунула незаметно в кудель заветные рожки. «Пусть напрядёт как можно больше!» — подумала старуха.

Прядёт невестка день, прядёт другой и третий. Напряла много, а кудель нисколько не убывает.

На четвёртый день поутру затопила старуха печь, а невестка снова села за прялку и сама думает: «Что это творится? Три дня за прялкой сижу, столько пряжи напряла, а кудели ничуть не ubyло. Добрые люди смеяться станут, что одну мочку² выпрясть не могу». Улучила время, когда свекровь вышла из избы, сняла мочку с гребня и кинула в печь:

— Сгори ты, окаянная! Не стану я из-за тебя позориться!

А сама принесла другую мочку и села за пряжу как ни в чём не бывало.

Пришла со двора свекровь, заглянула в печь и удивилась: горят дрова, пламя полыхает, а ни одно полено не сгорело и углей нет.

Она хлебы раскатала, приготовилась в печь сажать, а дрова никак не прогорают.

¹ Ада́ — сапоги (чуваши.); Адалл Мижок — Мишка в сапогах.

² Мо́чка — часть приготовленной для пряжи кудели.

Ходит вокруг печи старуха растерянная, ничего понять не может.

— Сношенька! — заговорила она. — Что это в печи-то у нас делается? Затопила со светом, дрова горят лучше не надо, а конца-краю не видно, когда протопится... Не кинула ли ты в печь чего?

— Нет, — сказала молодуха и покраснела, — ничего я в печь не кидала.

— А мочку-то всё ещё старую прядёшь? — тревожно спросила свекровь.

— Старую, да вот никак допрясть не могу, — ответила невестка.

Старуха немного успокоилась и принялась хлопотать по хозяйству. А время подходит уж к обеду. Сын пришёл домой.

— Обед-то у нас сегодня ещё не готов, хлебы испечь не поспела, — встретила его мать. — Печь никак не протопится, не знаю, что и делать.

Собрала хозяйка на стол, что было из вчерашних припасов. Пообедали. А печь как топилась, так и топится: жарко огонь горит, но дрова ничуть не прогорают. Пуще прежнего забеспокоилась старуха, и сын не на шутку встревожился.

Тут невестка не выдержала и повинилась:

— Недопряденную старую мочку я в печь кинула. Неужто от этого печь протопиться не может?

— Ох, горюшко горькое! — заголосила старуха. — Сношенька, сношенька! Что ты наделала! Сгубила ты нас навеки! Хватайте скорее все вёдра, какие есть, таскайте воду. Тушите огонь в печи!

Сын сразу догадался, в чём дело.

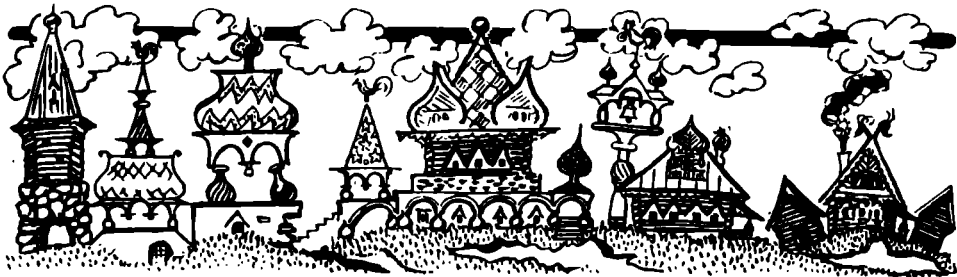
Принялись они с женой воду таскать, а мать вёдра принимала и заливала огонь в печи. Только к вечеру удалось огонь залить.

А тут новая беда пришла. Потекла из печи вода. И сколько ни старались мать с сыном да невестка воду из избы вычерпывать и выносить, вода текла и текла из печи, нисколько

не убывая. Скоро затопило избу и всю усадьбу. Насилу хозяе-
вам удалось спастись.

Вот эта-то вода, что, не переставая, текла из печи, и да-
ла, как сказывают, начало большой реке. А так как старухи-
ного сына звали Адалл Мижок, то и реку чуваши называли
Адалл, то есть Волга.

ПИТАХИР И ЯНЗИХИРЕ

Поехал как-то раз царь с новым егерем на охоту.

— Главный сенатор хвалил тебя, — сказал царь егерю. — Говорил, будто можешь любого зверя загнать и живьём поймать. Правда ли это?

— Мой дед и мой отец весь свой век охотой промышляли, — отвечал егерь. — Лучше их, пожалуй, охотников не было. И меня с малолетства отец к охоте приучал, и я кое-что у него перенял. Когда у твоего главного сенатора служил, он моей службой доволен был, а как тебе моя служба приглянется, не знаю.

В тот день набили они много дичи. А под конец царский егерь загнал и живыми поймал двух зайцев. Глядит царь на своего нового егеря, не налюбуется, а на привале, когда выпил да закусил, и вовсе разошёлся, принялся взахлёб хвалить:

— Много у меня хороших егерей, а такой сноровки, как у тебя, ни у кого нет!

Тут окончательно захмелел царь и говорит:

— Полюбился ты мне за твою удалы! И коли у тебя и у меня будут дети, да случится так, что у одного родится сын, а у другого дочь, мы с тобой породнимся, сватами станем!

— Ровня ли я тебе, царь-государь? — отвечал егерь. — Слыханное ли дело, чтобы царь с егерем породнился?

А царь не унимается. Пуще прежнего в раж вошёл. Сам поклялся и землю поцеловал. Потом егеря заставил поклясться и землю целовать.

— Как сказано, так тому и быть! — кричал царь. — Клятва наша нерушима во веки веков!..

Много ли, мало ли прошло времени, в один и тот же день родились у егеря сын, а у царя с царицей дочка. Егерь с женой назвали сына Питахиром, а царевне дали имя Янзихире.

Питахир и Янзихире росли вместе, каждый день играли в царском саду и крепко подружились. Как-то раз боярские дети стали над ними смеяться, дразнить их женихом и невестой.

Царевна побежала к няньке и стала расспрашивать:

— Что это ребята про нас с Питахиром говорят, будто мы жених и невеста?

— Ты и есть невеста Питахира, — отвечала нянька. — Родители сосватали вас, когда ни тебя, ни Питахира ещё и на свете не было. Клятву в том дали, землю целовали.

Запали эти слова царевне на ум. А годы шли да шли, и Янзихире выросла такой красавицей, что все на неё любовались. И Питахир стал пригожим молодцем. Он так полюбил царевну, что и свет ему казался не мил, если не видел её. И красавица Янзихире только о нём и думала, а при встречах с Питахиром становилось ей легко и радостно, будто летним тёплым солнышком обогревал царевну взгляд пригожего молодца.

Царевна рассказала ему всё, что слышала от старой няньки, и они поклялись друг другу в верности.

Между тем царь давным-давно позабыл, что он клялся породниться с егерем, а тот никогда не напоминал об этом сговоре и о клятве.

Слава о красоте Янзихире катилась по всему свету, и многие царевичи и королевичи засылали сватов, а царь всем отказывал. Он говорил послам:

— Царевна ещё молода, ей рано замуж выходить!

А сам думал: «Не пара моей дочери эти женихи! Дождусь такого, с кем не зазорно будет породниться мне, великому государю».

И вот в скором времени приехал к царю в гости королевич из славного, могучего королевства Каракóла. Как только увидел он красавицу Янзихире, тотчас же полюбилась она ему, и стал он царя уговаривать:

— Выдай, царь-государь, дочь за меня! Когда мы с тобой породнимся, наши государства станут верными союзниками и мы вместе можем завоевать и подчинить себе многие земли и царства!

— Я с радостью породнюсь с тобой, — отвечал королевичу царь.

И приказал он позвать царицу с царевной. А когда Янзихире с матерью пришли, царь сказал:

— Мой гость, королевич из великого и славного каракольского королевства, приехал свататься. Лучшего жениха не было и не будет, и мы с царицей даём тебе наше родительское благословение. Теперь ты, дочка, — невеста королевича, а он твой жених. Станем сговариваться, когда примемся свадьбу играть, пир пировать. Всё приданое давно уже справлено, за этим дело не станет.

Как ни оробела царевна от этой новости, но набралась храбрости, земно поклонилась сперва отцу с матерью, потом королевичу и промолвила:

— Я, царь-государь и сударыня-матушка, ваша дочь, и воля надо мной ваша. А одного понять не могу: ведь уже давным-давно по твоей, государь, родительской воле я просватана. Жениха своего люблю и выйду замуж только за своего суженого. Ни за кого иного от живого жениха не пойду. Не гневайся и не обессудь, гость любезный. Царь-государь, видно, запомнил, что просватал меня.

Услышал те речи царь да так и онемел. Стоит, слова вы-

молвить не может, только глазами хлопает. Царица слезами залилась, запричитала:

— Ай, срам какой! Где это слыхано, чтобы дочь так отцу с матерью дерзила?

А королевич из каракольского королевства обиделся и стал грозить:

— Это обида мне и всему нашему славному королевству! Я уеду, но приведу моё войско и разорю всё ваше царство!

С теми словами он выбежал из дворца, вскочил на коня и поскакал в своё королевство.

Мало-помалу царь пришёл в себя, затопал ногами и закричал не своим голосом:

— Эй, слуги! Царевну заприте в девичьей светлице и к дверям поставьте караул. Без моего ведома никого к ней не пускайте!

Потом приказал схватить егерского сына и держать под караулом. После всего этого велел столярам сделать большой крепкий сундук на колёсах, а пазы у сундука просмолить и проконопатить.

На другой день, когда столяры окончили работу, царь распорядился:

— Посадите Питахира в сундук, крепко-накрепко закройте крышку и тотчас же укатите сундук в реку.

Перед тем как посадить егерского сына в сундук, придворный чародей по приказу царя помазал ему волосы волшебным зельем. От этого зелья Питахир в ту же минуту уснул и потерял память.

А отец Янзихире тем временем послал грамоту каракольскому королевичу: «Забудь неразумные слова моей дочери и приезжай поскорее. Никакого другого жениха, кроме тебя, у неё не было и не будет».

Королевич получил письмо, обрадовался и стал собираться в дорогу.

Долго ли, коротко ли качался сундук на волнах, а только вынесла его вода и прибила к берегу в другом царстве. Царская дочь пришла купаться и увидала сундук. Она позвала

на помощь своих сенных девушек, выкатили они сундук на берег, потом прикатили во дворец. Царь приказал открыть сундук. В сундуке спал глубоким сном пригожий молодец. Царевна как только взглянула на него, так сразу же и влюбилась. Позвала она придворного знахаря и велела разбудить молодца.

После того как знахарь разбудил и привёл в чувство Питахира, царь с царевной принялись его расспрашивать:

— Кто ты есть, добрый молодец? Из каких родов, из каких городов? И как тебя по имени звать-величать?

Он понимал всё, что говорили, а рассказать, кто он и откуда, не мог.

— Не помню, — отвечал он, — где раньше жил, и не знаю, как меня зовут. Может, всё это сон, а может, и наяву было: город возле реки. А в какой стороне, в каком государстве, сказать не могу.

Подивился царь, когда услышал такой ответ, и подумал: «Не простого, видать, молодец роду. То ли провинился в чём, да сказать не хочет, то ли по навету чьему-нибудь наказан? Может, зельем опоили да памяти лишили? Поди знай. А из себя видный, пригожий и рассудительный, пусть покуда у нас поживёт».

Отвели Питахиру покой во дворце. Живёт он, за одним столом с царём да с царевной пьёт-ест. На охоту ходит, дичь к царскому столу промышляет. Со всеми обходительный, ласковый. Обо всём поговорить умеет, а вспомнить, кто он такой и откуда, никак не может. Всю прежнюю жизнь начисто позабыл, словно она пологом закрыта.

Царевна вокруг него так и увивается. И ему она вроде по сердцу пришлась. Царь всё это примечает.

И как-то раз улучил он время, завёл разговор с дочерью с глазу на глаз:

— Послушай, дочка, что я тебе хочу сказать. Сына у меня нет, сам становлюсь старый, а ты уж на выданье. Ну как выйдешь замуж в иное государство, кто тогда после меня станет нашим царством править? Гость наш, как погляжу, люб тебе, и мне он по душе, вот только не знаем, кто он есть

такой. А так во всём человек, видать, хороший. Мог бы стать мне вместо сына, и ты бы на глазах жила.

— Царь-государь, — вымолвила царица, сама глаза опустила и зарделась как маков цвет, — коли уж пришла пора мне своё гнездо вить, семью заводить, так иного жениха мне и не надобно. Благослови выйти за Найдёныша. Люб он мне!

Царь на то согласился. А царица побежала искать Пятахира. Встретились они в саду. Заговорила царица:

— Остался ты без роду, без племени, один как перст. Надо тебе к какому-нибудь берегу прибаваться, семьёй обзавестись. Отцу моему ты по нраву пришёлся, и мне ты мил да люб. Если вздумаешь своей семьёй обзаводиться и посвтаешься за меня, буду тебе верной и любящей женой.

Обрадовался Пятахир, услышав царицыны слова, и сказал:

— Никак не могу вспомнить моей прежней жизни, а сдаётся мне, будто и тогда я уже знал тебя и хотел сватов засылать. Только бы отец твой перечить не стал. Лучшей невесты мне и не сыскать нигде.

После всех этих разговоров стали во дворце готовиться к свадьбе. Готовили приданое невесте, и Найдёнышу, как звали в царстве Пятахира, сшили новый наряд.

Царица нянька говорит Пятахиру:

— Сам ты из себя молодец пригожий, недаром тебя наша царица полюбила, и нарядов тебешили лучше не надо, вот только волосы отрастил до плеч. Нешто так и к венцу пойдёшь?

— А ведь и правда, — откликнулся Пятахир. — Про волосы-то я и забыл совсем. Спасибо, сказала!

Он велел позвать придворного цирюльника и приказал:

— Постриги меня, да покороче!

И вот, как только цирюльник постриг его, Пятахир вдруг всё вспомнил. И как его зовут, и откуда он родом, и вспомнил свою невесту Янзихире. «Как же так? — подумал он. — Ведь я чуть было не женился на здешней царице! А дома меня ждёт моя Янзихире!»

И он тотчас пошёл к царю:

— Царь-государь, видно, моя забывчивость прошла! Теперь я всё вспомнил. Зовут меня Питахиrom... Слышал я, что есть у тебя конь крылатый, который от восхода до заката солнца может всю землю обежать. Дай мне этого коня! Надо мне на родимой стороне побывать, отца с матерью повидать.

— Что ж, поезжай, — сказал царь. — А коли там задержишься,пусти коня. Он сам прискачет домой.

Питахир мешкать не стал, с царём да царевной распрощался, сел на крылатого коня, и только пыль заклубилась за добрым молодцем.

Примчался в своё царство и тут же коню наказал обратно скакать. А сам принялся расспрашивать, где находится прекрасная Янзихире. И узнал он, что с тех пор, как бросили его в сундуке в реку, царь выстроил башню и заточил в той башне непокорную царевну.

— А теперь со дня на день ждут каракольского королевича, — поведала ему бабушка-задворенка. — Как приедет королевич, станут свадьбу играть, и увезёт её королевич в своё королевство.

— Нельзя ли, бабушка, как-нибудь повидать мне царевну? — спросил Питахир.

— Стража там, дитяtko, караулы стоят день и ночь. Никого не пропускают в башню. Ну, а грамотку переслать можно. Есть у меня ворон — птица вещая. Пошлю его, и грамотку он переправит.

Сидит Янзихире в башне, вспоминает Питахира и горько плачет:

— Знать бы мне, что жив мой сокол ясный, весь бы белый свет обошла, ни замки, ни запоры, ни стража меня не сдержали бы. Нашла бы я моего сизого голубя!

И как раз в эту самую минуту услышала царевна шум в окне. Взглянула и увидала: бьётся крыльями возле окна ворон. Скорым-скоро отворила окошко, птица влетела в горницу и села ей на руку, а под крылом у неё белеется что-то.

Отвязала Янзихире грамоту, прочитала. Смеётся и плачет от радости.

— Жив, жив Питахир, мой ненаглядный суженый!

Тут же написала ответное письмо: «Вечером, как стемнеет, подземным ходом спущусь к реке. Жди меня на берегу, возле ивы».

Привязала грамотку под крыло и выпустила ворона на волю. И как только стемнело, сбегала в подполье, а оттуда потайным ходом пробралась к реке и вышла на берег. Питахир дожидался её, и когда они встретились, то так обрадовались, что ни вздумать, ни сказать, ни пером описать.

В тот же день поздно вечером приехал к царю каракольский королевич. Встретил его царь на крыльце словами:

— Добро пожаловать, мой зять наречённый! Время сейчас позднее, да и отдохнуть с дороги надо. Ступай помыться, попариться, баня давно готова. А после ужина спать ложись и почивай спокойно. Егерского сына я велел в реку бросить, и с тех пор о нём нет ни слуху ни духу. Невесту запер под стражу. Завтра тебя с ней повенчаем, и дело с концом!

На другой день утром царь приказал нянькам, мамкам да санным девушкам:

— Ступайте разбудите Янзихире и ведите её сюда!

Воротились посланные в большом переполохе, ахают, охают, толком ничего сказать не могут. Наконец старая нянька проговорила:

— Надёжа-государь, все светлицы в башне обыскали — нигде цариц не нашли!

Царь тем речам не поверил, пошёл сам. Сперва старшего караульного спросил:

— Когда царица из башни ушла? А может, пропустили кого-нибудь к ней? Говори, а то не сносить тебе головы!

— Я сам стоял на карауле, никуда не отлучался, — отвечал старший караульный. — Никто из башни не выходил, и туда никто не входил.

Кинулся царь с караульными светлицы осматривать — везде пусто. Тут царь хлопнул себя по лбу:

— Не иначе как знала она про потайной ход и тем ходом ушла!

И тут же строго-настрого приказал обыскать весь город.

— Всё верх дном переверните, все подземелья и подвалы обыщите, — приказал он воеводе дворцовой стражи, — а беглянку ко мне приведите!

Но сколько ни искали, нигде царевны не нашли, так надёжно ухоронила бабушка-задворенка Янзихире и Питахира.

На третий день воевода дворцовой стражи пришёл во дворец ни с чем:

— Царь-государь, нигде мы царевны не нашли. Не иначе егерский сын не погиб тогда, как мы думали, а тайком пробрался в стольный город и сманил Янзихире убежать из нашего царства в иные земли.

Услышал царь эти речи, голову опустил ниже плеч.

— Ох, тошнёшенько! Всё пропало, порушилось! — только и мог он выкрикнуть.

Каракольский королевич в ту пору рядом в покое был и весь разговор воеводы с царём слышал. Вошёл он к царю и сказал:

— Честь по чести звал ты меня и в другой раз всё наше королевство обесчестил!

— Не гневайся на меня, — принялся упрашивать царь, — сам видишь, моей вины в том нет. А ты как был, так и останешься моим названным сыном, коли зятем любезным не пришлось стать. Мало ли на белом свете невест из княжеских и царских родов! Женись на любой и приезжай, становись вместо меня на престол как мой наследник, а по смерти своего родителя, славного короля каракольского, — дай ему бог долгих лет жизни — и своё королевство под одну державу возьмишь.

На том они и поладили.

— За всё твоё добро, царь-государь, — вымолвил коро-

левич, — буду тебя с царицей в старости покоить, как родной сын.

С теми словами распрощался он с царём и уехал невесту приискывать.

А Янзихире и Питахир тем временем жили в потайном покое у бабушки-задворенки. И как только королевич уехал, старуха принялась их уговаривать:

— Ступайте, детушки, во дворец да просите благословения свадьбу играть. Побранятся отец с матерью, посердятся, уж не без того, а потом и смирятся. Лих медведь, да и тот своих детей милует.

И вот когда пришла царевна со своим женихом к родителям, царь ногами затопал, руками замахал и совсем зашёлся в крике:

— Палача, палача зовите! Казнить обоих без промедления, казнить!

— Что ты, пресветлый царь-надёжа, что ты! — кинулась к нему царица. — Смени гнев на милость. Ведь хоть и дура, да дочь. Смилуйся, прости их! Пожалуй какую ни на есть плохонькую избёнку, пусть там живут.

Царь посердился, а под конец махнул рукой:

— Определить Питахира царских свиней пасти и дать им на том выпасе избёнку! Пусть живут, да так, чтобы глаза мои их не видели!

Поселились Питахир с Янзихире в избушке свинопаса далеко от стольного города и зажили в любви и в согласии так, что, глядя на них, люди радовались. Питахир свиней пас, рыбу ловил да охотой промышлял, а Янзихире огород завела, сад насадила и по дому управляться успевала.

Живут, друг на друга не нарадуются. Один без другого дня провести не могут.

— Никогда мы с тобой разлучаться не станем, — говорила Янзихире, — а как состаримся да умрём, пусть нас и похоронят вместе!

Время идёт, как вода течёт. Царь с царицей давным-давно умерли, а царством правил каракольский королевич. И он уж совсем состарился.

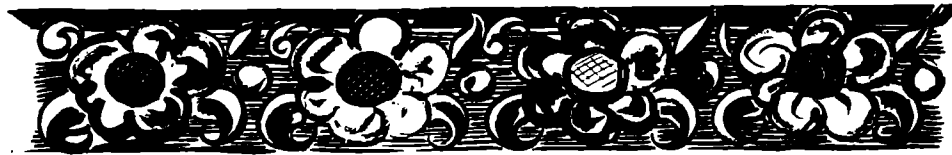
Как-то раз главный сенатор говорит ему:

— Царь-государь, старый свинопас и жена его умерли. То ведь были в опале егерский сын и царевна Янзихире. Просили они перед смертью похоронить их вместе, в одной могиле.

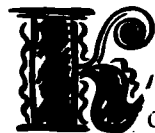
— Похороните безо всяких почестей, — ответил царь, — одного на правом, а другую на левом берегу реки!

Так и сделали, как царь приказал. А на той и другой могиле стали расти кудрявые, зелёные деревья. И чем выше деревья подымались, тем больше и больше тянулись одно к другому, покуда не переплелись через реку ветвями.

ДЕВУШКА НА ЛУНЕ

Когда-то давным-давно жила злая-презлая колдунья. У колдуньи была падчерица, тихая, ласковая и собой писаная красавица, точно ягодка спелая.

Мачеха ненавидела падчерицу и думала только о том, как бы погубить её.

Колдунья постоянно ругала девушку и мучила её непосильной работой. А красавица всё больше и больше хороше-ла. Голос её звенел, словно соловьиная песня, улыбка была подобна солнечному тёплому лучу.

Однажды колдунья вернулась домой, прилетела верхом на железной мялке. А время было уже после полуночи. Мачеха разбудила девушку:

— Ступай скорее на речку, принеси свежей воды!

Подхватила красавица вёдра с коромыслом и побежала на речку.

Ночь была ясная, морозная. С неба светила полная луна. Спустилась девушка к проруби, и, покуда зачерпывала воду, её окружили страшные ведьмы. Они летали вокруг девушки

на помелах и на мялках, протягивали к ней руки, лязгали зубами и злобно кричали:

— Хватайте, хватайте её! Сейчас растерзаем в клочья!

Девушка в отчаянии взглянула на луну и взмолилась:

— Не допусти, ясный месяц, моей гибели!

Вняла луна девичьим слезам, послала свои лучи на землю и подняла красавицу с вёдрами и коромыслом к себе. Остались ведьмы ни с чем.

С тех пор, как рассказывают, в ясные ночи на полной луне и видится девушка с коромыслом на плечах.

СЧАСТЬЕ

Давным-давно жил-был бедный охотник-бобыль по имени Пик. С малых лет он кормился охотой, промыслял разных мелких зверей, а когда подрос, добывал волков и медведей, но никогда не стрелял птиц. Он любил слушать их пение.

Исполнилось охотнику двадцать лет, и стал он думать о женитьбе, но подходящей невесты не находилось. Не много охотниц за бедного бобыля замуж идти. К тому же Пёку хотелось, чтобы жена у него была проворная, как пигалка, и голосистая, как соловушка. А скоро ли такую сыщешь?

Как-то раз, поздней осенью, в погоне за волком попал молодой охотник в дремучий бор, и застигла его в том бору тёмная ночь. Влез он на высокую сосну, оглядел кругом всю местность. Везде лес да лес. Только в одной стороне приметил: мерцает огонёк. Пик слез с дерева и направился в ту сторону, где огонёк светится. Подошёл поближе и увидал небольшую избёнку. Постучался:

— Пустите переночевать!

— Дверь в сени не заперта, — слышался в ответ голос. — Заходи и ночуй в сенях, в избе тесно.

Зашёл Пик в сени, нащупал в темноте укромное место рядом с хозяйской овечкой и повалился спать.

В полночь проснулся от крика. Слышно, как за стеной в избе плакал ребёнок:

— Ау, а-а-у-у!

И в ту же минуту слышал рядом с собой голоса. Это разговаривали боги Пюлехсэ и Пихамбар:

— Какое счастье записать новорождённой, что сейчас родилась в этой семье?

— Запиши, — сказал Пихамбар, — пусть, когда ей исполнится семнадцать лет, выйдет замуж за бобыля Пика, который сегодня ночует в этих сенях.

Услышал Пик такое предсказание, досадно ему стало.

«Что это Пихамбар придумал? Жить мне неженатому ещё семнадцать лет и ждать, покуда вырастет невеста? Да поди знай, какая она ещё будет?»

Но просить, чтоб боги изменили судьбу, не стал. Гордый был человек, никогда никого ни о чём не просил.

Ушли Пихамбар и Пюлехсе. Вскоре после того и Пик, ничего не сказав хозяевам, вышел и направился домой. Шёл он скоро, а Пюлехсе и Пихамбар плелись потихоньку, и Пик быстро их нагнал. Только хотел было незаметно их обойти, как увидал: катится навстречу золотой, дорогой пояс. И услышал, как Пюлехсе спросил Пихамбара:

— Куда катится этот дорогой пояс? Не отдать ли его бобылю Пику?

Пихамбар ответил:

— Зачем бедняку Пику такой дорогой пояс? Что он будет с ним делать? Пусть пояс катится во двор здешнего помещика, который владеет всеми этими лесами. Богатство к богатству пристало!

Боги не видели Пика, а он весь разговор слышал, но просить себе богатства не стал. «Проживу своим трудом», — подумал он.

И совсем было собрался стороной пройти, как в эту минуту выскочил на дорогу голодный волк и стал просить богов: — Скажите, кого мне съесть? Я сам и волчата мои с голоду умираем!

— Беги по этой дороге, — сказал волку Пихамбар. — Увидишь в лесу избу. В той избе сегодня родилась дочка. Съешь у хозяев овцу!

Совсем рассердился Пик на богов и бросился бежать вслед за волком. «Что это Пихамбару пришло в голову, — думает он, — лишать бедных людей последней овцы?» Догнал и убил волка совсем недалеко от избы. Шкуру волка забросил в сени:

— Пусть будет моим подарком за ночлег!

Покуда гнался за волком, он так торопился, что совсем из сил выбился и на обратном пути почувствовал страшную жажду. Смертельно пить хочется, а воды нигде нет. Побежал догонять богов и так торопился, что не слышал, как звери и птицы в лесу смеялись над ним:

— Смотрите, смотрите, это Пик от своей новорождённой невесты бежит!

Наконец догнал он Пихамбара и Пюлехсе, но уж так устал, и во рту всё до того пересохло, что и говорить не мог. Только знаками показал: дескать, пить хочу, от жажды умираю, укажите, где напиться.

— Ступай вот по этой тропинке, — сказал Пихамбар, — там найдёшь воду! — и указал на узенький проход в непролазной лесной чаще.

Пик с великим трудом пробрался по непроторённой лесной тропинке и наткнулся на мелкий мутный ручеёк. Воды в том ручейке была ржавая, полна всяких гадов, слизи и т. п. отвратительно пахла гнилью, что, как ни мучила Пика жажда, не мог он пить воду.

И снова кинулся Пик догонять Пихамбара и Пюлехсе, догнал их и спрашивает:

— За что вы обижаете меня и всех бедных людей? Велите пить воду, которую вы указали мне, пить невозможно, а я умираю от жажды!

— Ну уж ладно, ступай по этой гладкой тропке, — сказал Пихамбар, — напейся, а потом приходи сюда. Мы тебя подождём.

Пик легко достиг источника с чистой как хрусталь водой, такой приятной на вкус, что он отродясь не пробовал подобной воды, вволю напился и пошёл туда, где боги его ожидали.

Когда охотник подошёл к ним, боги заговорили:

— Вот ты ропщешь на нас и жалуешься на судьбу бедных людей, а сам того не знаешь, что мы только и печёмся о таких, как ты, бедняках. Ведь жизнь на земле временная, и тот, кто терпит в этой жизни нужду и бедность и безропотно нам подчиняется во всём, после смерти, на том свете, вечно и бесконечно будет пользоваться всякими благами, какие и во сне не снились ни царям, ни барам, ни купцам на земле. А богатые за то, что живут на земле в своё удовольствие, на том свете превратятся в гадов, которых ты видел в мутном ручье со ржавой, слизистой водой. Они будут дышать нечистыми испарениями в грязной воде во веки веков. Потому и живи ты в нужде и не противься воле богов.

На том они и расстались. Боги пошли в одну сторону, а Пик — в другую.

— Нет, — сказал охотник, — неладно боги делают: богачей награждают, а у бедняков последнее отнимают. Не убей я волка сегодня, последней овечки семья бы лишилась... Нет, несправедливый суд они вершат. Незачем и слушаться их.

Много ли, мало ли прошло времени с тех пор, как расстался Пик с богами на развилке в то утро, понадобилось ему отправиться на охоту в заволжские леса. Ходил он по лесам, бродил по болотам, через мелкие ручьи да реки переправлялся, а всё без толку: звери будто вымерли. Идёт он, на неудачу досадует, от усталости да от голода еле ноги передвигает. И вдруг в просвете между деревьями лесное озеро показалось. Спустился к берегу и увидел, как в одном месте сильно колышется камыш. Присмотрелся и заметил: вода в том месте беспокойная. Ближе подошёл, стал камыш пал-

кой раздвигать и тут только увидал: бьёт коршун белую лебедушку, а она, видать, уж из последних сил отбивается. Выхватил молодец стрелу, натянул тетиву, прицелился и убил коршуна.

Лебедушка повернула голову, взглянула на Пика и человеческим голосом заговорила:

— От неминуемой смерти ты меня спас, добрый молодец, и от злых чар избавил. Ведь не лебедь я, а девица-сирота. Злая мачеха да брат её чародей заколдовали меня, оборотили лебедью после того, как я отказалась выйти замуж за мачехина брата, старика чародея. Спасалась от него на лесных озёрах. А сегодня старый колдун чёрным коршуном прилетел сюда, заприметил меня и стал бить-теребить. Много ран нанёс. Может, и до смерти бы забил-заклевал, если бы ты не спас. Теперь, когда злого коршуна-колдуна не стало, и чары его сгинули.

И с теми словами навстречу Пикку из воды не лебедушка белая, а светлокудрая девица-красавица вышла и нежным голоском проговорила, будто на гусях заиграла:

— Не знаю, добрый молодец, избавитель мой, как тебя по имени звать, а хочу я отблагодарить тебя за твоё доброе дело. Матушка оставила мне большое наследство: и серебро, и золото, и каменья самоцветные. Всё богатство хранится в надёжном месте. Бери себе чего хочешь.

Говорит прекрасная девица, а сама рукой бок придерживает. Охотник как впился в её лицо, так и не может глаз отвести. Глядит, не налюбуется.

— Чего это ты, — спросил он, — за бок держишься?

— Коршун-колдун, когда бил-теребил, рану мне нанёс. Нет ли у тебя медвежьего жира?

— Каждый охотник носит про запас это снадобье, — ответил Пик.

С теми словами он быстро залил медвежьим жиром глубокую рану, и сразу девице-красавице полегчало.

— А о награде ты напрасно со мной речь завела, — сказал Пик. — Я одинокий неженатый бобыль, а ты сирота, и, коли бы замуж за меня пошла, кончилось бы горькое моё

одиночество, да и твоё тоже. Зажили бы по-семейному, это и была бы для меня самая большая награда да радость!

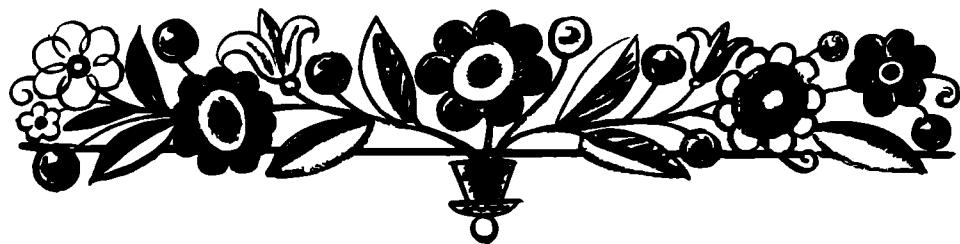
Потупилась девица-красавица и тихо, ласково промолвила:

— Не знала я, не ведала, когда птицей ухоронилась в этом лесном озере, что здесь я найду своё счастье! Буду тебе верной и любящей женой. А от матушкина подарка нам с тобой отказываться не надо. Пригодится на первое обзаведение.

На том бобыль-охотник с девицей-красавицей и поладили. Поженились и зажили на берегу того самого озера, где они встретились.

Прожили в любви и в согласии до глубокой старости и оба часто вспоминали, как нашли своё счастье не по воле богов Пихамбара и Пюлехсе, а по своей воле во взаимной и верной любви.

ТРИ БРАТА

Жил старик с тремя сыновьями. Был у них виноградник. Когда виноград созрел, стал отец посылать сыновей караулить сад.

— Покуда не уберём, придётся вам по ночам охранять виноград.

Первым пошёл младший сын Иван. Сидит, не спит, ведёт время.

В полночь прибежала в сад лисица и стала просить:

— Накорми меня, молодец, виноградом!

— Ешь вволю, только виноградника не порть, — сказал Иван.

На другую ночь послал отец среднего сына в караул.

В полночь прибежала лисица:

— Добрый молодец, угости меня виноградом!

— Ешь сколько душе угодно, — ответил средний брат, — только с собой не бери!

Наелась лисица досыта и убежала. На третью ночь пришёл черёд старшему брату стеречь.

Сидит он под деревом, дремлет. Вдруг слышит шорох. Что такое? Открыл глаза и увидел перед собой лисицу.

— Накорми, молодец, меня виноградом, а я перед тобой в долгу не останусь! — просит лисица.

— Здесь ешь сколько хочешь, только с собой не бери да виноградник не ломай.

Вволю наелась лисица и убежала.

Скоро пришла пора урожай снимать, и братья перестали сад караулить.

Много ли, мало ли прошло времени, как-то раз послал отец всех трёх сыновей в город за покупками.

В дороге, откуда ни возьмись, выбежала им навстречу лисица и говорит:

— Когда я была голодная, вы накормили меня виноградом, я теперь хочу вас отблагодарить.

Повела она братьев к высокой горе. Из-под горы бьёт светлый родничок.

— Попробуй-ка эту воду, — сказала лисица старшему брату.

Тот попробовал да так и ахнул.

— Это не вода, а прекрасное вино! — крикнул старший брат.

— Родник этот я дарю тебе, — промолвила лисица. — Умей им пользоваться, и будешь всегда жить в достатке.

Старший брат рад-радехонек. Поблагодарил лисицу и остался у родника. А среднего и младшего брата лисица повела дальше. Шли они, шли и увидели в поле огромную стаю галок и ворон. Птиц было столько, что не сосчитать. Лисица тотчас превратила всю стаю в громадное стадо коров.

— Видишь это стадо? — спросила она среднего брата.

— Вижу, — ответил тот.

— Всё это стадо, — сказала лисица, — теперь твоё. Оставайся здесь, хозяйствуй и живи припеваючи.

Средний брат остался, а Иван с лисицей пошли дальше. Идут они близко ли, далёко ли, вдруг лисица заговорила:

— Братьев твоих я наградила. Коли будут жить с умом,

ни в чём нуждаться не станут. А что тебе подарить? Чем тебя за твоё добро отблагодарить?

— Богатства мне не надо, — ответил Иван. — Пособиты мне найти хорошую невесту. Пусть она и не столь красива, но лишь бы умница-разумница была. То и будет мне лучшей наградой, и я век твоего добра не забуду.

— Будь по-твоему, — промолвила лисица. — Есть у меня на примете девушка — лучше не сыскать на всём белом свете.

С теми словами ударилась лисица о землю и обратилась женщиной-свахой.

— Пойдём вот в ту деревню, — сказала она.

Когда добрались до деревни, завела сваха Ивана в крайний дом. А в том доме у старика со старухой была единственная дочь, такая приветливая, умница-разумница, да к тому ж и работающая. От женихов отбою нет. Когда сваха привела Ивана в избу, там уже было семь женихов. Старик со старухой не знают, за которого дочь просватать. А женихи между собой перекоряются:

Один говорит:

— Я первый приехал свататься, за меня отдайте!

Другой житьём-бытьём хвалится:

— У меня хлеб хорошо родится и всего вдоволь. Отдайте дочь за меня, будет жить припеваючи!

Третий рассказывает, что он единственный сын:

— Всё, что есть у родителей, будет наше. Ни с кем делиться не надо. Выдайте за меня!

Тут и Иванова сваха в разговор вступила:

— Чего из-за невесты спорить? Как на роду написано, так тому и быть. От судьбы-доли никуда не уйдёшь. Вот за гумнами растут ивы. Пусть каждый жених срежет ивовый прут и воткнёт тот прут у пруда в землю. Чей прут к утру зазеленеет, тому и быть мужем красавицы.

На том и поладили. Все женихи срезали по ивовому пруту и воткнули в землю на берегу пруда. На другой день пошли смотреть. Иванов прут распушился зеленью, а все остальные посохли.

— Вот видите, — сказала Иванова сваха, — на роду невесте написано за Ивана замуж выйти.

Разъехались женихи по домам, Иванова сваха тоже затопилась:

— И мне пора домой. Играйте свадьбу без меня и живите в любви да в согласии.

И с теми словами ушла. А когда свадьбу сыграли, пир отпировали, погостил Иван у тестя с тещей ещё неделю, и стали они с молодой женой в путь-дорогу собираться. Распростились и пошли прочь из деревни.

Дорогой Иван говорит:

— Отец у меня строгий, а женился я самовольно, без его позволения. Не примет он нас с тобой. Не знаю, как станем жить, где голову приклонить...

— Не горюй, Иванушка, не печалься, — молвила молодуха. — Силой да сноровкой мы с тобой не обижены. Станем кормиться от своих рук и заживём не хуже людей. Погляди-ка, вот какое красивое и удобное место возле этого озера. Поселимся тут!

— Что ж, — проговорил Иван, — где ты со мной, там для меня и дом родной. Небось с голоду не умрём!

Вырыли они землянку и стали жить-поживать. Иван рыбу ловил, зверя да птицу промышлял, а жена огород завела и по дому хлопотала.

Тем временем старший и средний братья жили да день ото дня богатеи. Старший вином торговал, денег без счёту выручал, а средний масло, сыр и молоко продавал, лопатой деньги загребал. Оба они женились, богатое приданое за жёнами взяли. Каждый из них выстроил себе хоромы, как у самых первостатейных купцов. Оба держали работников да работниц. Ни сами, ни жёны их не работали, вели время в пирах да в забавах. Прошло так много ли, мало времени. Оборотилась лисица стариком странником и пришла к старшему брату.

— Угости, добрый человек, странника! Поднеси чарочку винца да закусить чего-нибудь дай!

— Много вашего брата по дорогам бродит! — ответил

хозяин. — Всех вином поить да кормить, так и самому есть будет нечего. Проваливай подобру-поздорову, а то и по шее получишь!

Ни слова не промолвил странник на те обидные речи и вышел со двора. И только он ушёл, как вино в роднике превратилось в воду и поднялась такая буря, никто из самых старых стариков не помнит такого урагана. Тем ураганом снесло, разметало все постройки старшего брата, и остался он ни с чем.

А странник той порой к среднему брату пришёл и стал просить:

— Не дашь ли, хозяин, дорожному человеку молочка похлебать да сыру кусочек?

— На всех не напасёшься! Сколько вас побирается! Этого накорми, тому дай, а сам потом ложись да с голоду помирай. Уходи-ка, покуда пса с цепи не спустил!

Ничего старик не сказал, выбрался за ворота и пошёл своей дорогой.

И только успел странник скрыться из виду, как все коровы обратились в галок да ворон и улетели — неизвестно куда. В ту же минуту неведомо отчего возник пожар, и все постройки сгорели дотла, еле-еле сами успели спастись. Начисто разорился средний брат, и пошли они с женой по миру.

А странник отправился к младшему брату. Зашёл в землянку и спросил:

— Не найдётся ли перекусить чего-нибудь дорожному человеку?

Молодуха засуетилась и проговорила:

— Ах, напасть какая! Муж-то уехал сети осматривать, скоро рыбы привезёт, а в доме, как на грех, ничего нет. Есть вот только хлебушек, сейчас из печки вынула, да с примесью он! Стыдно и угощать гостя!

И подала страннику целый каравай. Взял старик хлеб и сказал:

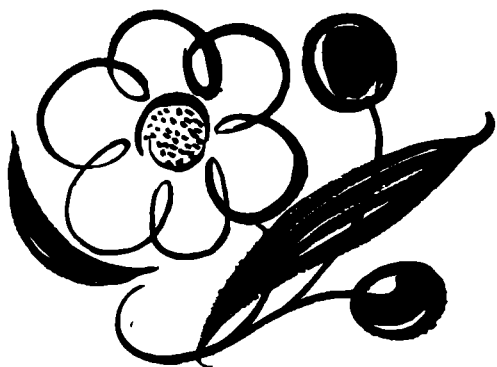
— Живёте вы, как вижу, своим трудом и с людьми ласковые да приветливые. За доброту да за честный труд отныне

будете всегда жить в полном достатке, не станете знать ни в чём нужды и от своих трудов будете есть чистый пшеничный хлеб, как вот этот.

Тут странник разрезал каравай, и хозяйка глазам не поверила: хлеб оказался чистый пшеничный, и такой сладкий дух от этого тёплого каравая пошёл по избе.

В ту пору Иван вернулся домой и привёз целую лодку крупной рыбы.

И с тех пор Ивану и его жене во всём была удача. Взяли они к себе стариков родителей, а сами неустанно трудились и жили в полном достатке весь свой век.

КУКЛА

Везли на продажу воз кукол. Одна кукла упала на дорогу. Встала и пошла куда глаза глядят. Платьице на кукле беленькое, на голове новенькая тухья¹ серебром позванивает, чистенькие лапоточки поскрипывают, и сама как мак-ков цвет румянцем горит.

Повстречался кукле воробушек.

— Далеко ли направилась, подруженька? — спросил воробей.

— Замуж собралась, жениха ищу! — ответила кукла.

— А я чем не жених? — сказал воробей. — Поди за меня.

— Пойти-то я бы пошла. Отчего не пойти. А вот ты сперва скажи: как ты поёшь, пляшешь и каково твоё житьё-бытьё?

Воробей тотчас запрыгал и запел: «Чилик! Чилик!» Потом заговорил:

¹ Тухья — девичий головной убор, расшитый бисером и мелкими серебряными монетами.

— Где встретится зёрнышко, там и поклюю, в мякине поковыряюсь, а коли мяса захочется, букашек поклюю, вот какое у меня житьё-бытьё.

— Нет, воробей, не пойду за тебя. И пляшешь ты нехорошо, и песни у тебя нескладные, а в пыльной мякине я всё платье испачкаю.

Обиделся воробушек, вспорхнул и улетел. Пошла кукла дальше, а навстречу ей грач:

— Куда, куколка, путь держишь?

— Замуж собралась. Пошла жениха искать, — ответила кукла.

— А я как раз жениться собираюсь, — обрадовался грач, — выходи за меня!

— Сперва скажи, как ты поёшь да пляшешь и каково твоё житьё-бытьё, — спросила кукла, — тогда и о свадьбе речь поведём.

Заскакал грач, загорланил.

— Кра, кра! Вот как я пляшу и пою, — проговорил он. — А живу так: где что встретится, полакомлюсь, где навоз попадётся, пороюсь, поковыряюсь. Худо ли?

— Нет, грач, не пойду за тебя, — ответила кукла. — Песни у тебя грубые, пляска некрасивая, а в навозе ковыряться мне не к лицу — лапоточки испачкаю!

Ни слова грач не оказал, взмахнул крыльями и улетел прочь. А кукла дальше пошла. Шла, шла, повстречался ей мышонок.

— Далеко ли, нарядная, идёшь? — спросил он.

— Замуж собралась выходить. Пошла жениха искать, — ответила кукла.

— А я жениться хочу, невесту ищу. Выходи за меня!

— Выйду за тебя, если песни петь и плясать умеешь да житьё-бытьё у тебя хорошее.

— Пии, п-и-и, — запищал мышонок тоненьким голоском, будто на скрипке заиграл. И тут же закрутился юлой — плясать стал.

Кукла слушает да на пляску глядит. Остановился мышонок, стал про своё житьё-бытьё рассказывать:

— Пии, п-и-и! Жизнь у меня — лучше и не надо: и хлеб в закромах, и масло в кадушках, и мёд! Ешь, пей, чего душа просит. А живу под амбаром — чистенько, сытно. Увидишь — залюбуешься!

Понравились привередливой кукле и песни, и пляска, и речи мышонка.

— Ну что ж, — говорит, — пойду за тебя замуж.

Пошли они к мышонку в дом и затеяли свадьбу играть. Позвал мышонок родню да знакомых, и началось столowanie, весёлый пир. И крот в чёрной шубке, и суслик в сером платье, и мыши с мышатами — все сидят за свадебным столом, угощаются, а молодые — мышонок с куклой — гостей потчуют:

— Кушайте, гости дорогие, угощайтесь!

Наелись гости, напились и захмелели. Потом в пляс пустились. А после того закричали:

— Молодую просим!

Поднялась кукла, осмотрелась, прихорошилась и пустилась в пляс. Да так плавно плясала, что только серебро чуть позванивало.

Все гости её одобряли, похваливали:

— Ай да молодая, ай да кукла!

А кукле от похвал стало весело. Подняла она голову и закружилась ещё быстрее, так что голова кругом пошла. И — бух! — упала в чашу с пивом. Вытащили её из чаши, а платье на ней всё мокрое.

Заахала кукла, залилась слезами, бросила гостей и побежала на речку платье полоскать. А тут новая беда-напасть приключилась: увязла она на берегу в грязи и выбраться не может. Глянула туда-сюда, увидела воробья, что её сватал.

— Помоги, братец воробей, выбраться, — взмолилась она, — совсем я завязла!

— Нет, кукла, ведь и собой я некрасивый, и песни мои нехороши, да и мякинной пылью боюсь тебя испачкать!

Вопорхнул воробей и улетел прочь.

В ту пору грач мимо пролетал.

— Кра, кра-а! Чего тут в грязи стоишь? — загорланил грач.

— Да вот в грязи увязла, никак не выберусь. Вытащи меня, — просит кукла.

— Кра, кра-а! Вытащил бы я тебя, да боюсь навозом испачкать!

Улетел грач. И снова кукла осталась одна-одинёшенька. Горько заплакала, а грязь её уже по грудь засосала. И тут слышались пьяные голоса. «Видно, гости наши расходятся по домам», — подумала кукла и запищала во весь голос:

— Спаси-ите-е, спаси-ите-е!

Захмелевшие гости подбежали, схватили куклу за руки, изо всех сил потянули, да так стали дёргать, что руки оторвали. Потом ухватились за голову и так все вместе стали тащить да дёргать, что и голову оторвали.

На том и кончилась сказка о разборчивой невесте-кукле.

УГАНДЕЙ И СЕЛЕНДЕЙ

Был в деревне ловкий, оборотистый мужик Угандей. Был он холост, не женат. И по дому у него управлялась младшая сестра Сернюк.

Понадобилось как-то раз Угандею коня купить, а своих денег мало. Что делать? Пошёл он в соседнюю деревню и занял там у богатого жадного торговца Селендея сто рублей.

— Через год долг вернёшь и три месяца бесплатно у меня поработаешь! — сказал богач.

Прошёл год, а Угандею нечем с лавочником Селендеем расплатиться. Селендей сам пришёл к должнику — дома не застал. Пришёл через неделю ещё раз — опять Угандея дома нет. Рассердился богач и говорит:

— Скажи, Сернюк, своему брату: если на этих днях не принесёт денег да не примется у меня работать, я приеду и увезу тебя. Будешь у меня батрачить до тех пор, покуда брат тебя не выкупит.

Сернюк рассказала брату, как лавочник грозился её увезти батрачить, а Угандей в ответ ей и говорит:

— Ступай поживи у тётки, покуда я тебе весть не подам.

Девушка собралась и ушла в другую волость, где тётка жила, а Угандей в тот день, когда богатей посулился прийти, с утра переделся в женское платье, повязал фартук, на голову напялил тухую и сел за прялку. Сидит, время ведёт.

Приехал Селендей, видит, что хозяина дома нет, и спрашивает:

— А где же твой брат?

— Брат в город уехал и, видать, не скоро вернётся.

— Ах, в город ехать у него деньги нашлись, — закричал лавочник, — а со мной рассчитаться да отработать за долг ни денег, ни времени нету! Я как сказал, так и сделаю. Собирайся живо! Поедешь ко мне и станешь работать до тех пор, пока брат тебя не выкупит!

— Мне всё равно, где ни жить, — проворчала пряха. — Кормить будешь, так стану и у тебя жить.

Так и перебрался Угандей под видом Сернюк к Селендею. Живёт неделю, другую. Ест за троих, а от работы отлынивает. Что заставят делать — ответ один:

— Не умею! Век не приходилось делать!

Ни бранью, ни побоями ничего поделатъ с ленивой батрачкой не может Селендей. «Надо как-то избавиться от дармоедки, а то совсем меня разорит», — думает.

Думал, думал и придумал. Пошёл к соседу, тоже богатому мужику. Поговорили о том о сём, а под конец хитрый лавочник сказал:

— Парень-то у тебя уж в годах. Давно бы женить надо.

— Женить бы и правда надо, годы вышли, — отвечал сосед. — Да сам знаешь, таиться от тебя не стану, всем невестам в округе ведомо, что парень мой придурковатый. Хоть и смирный он, работающий, а попробуй жени его. Ведь даже вдовица-бобылка и та на калым не польстилась, не захотела дочь отдать. Думаю осенью в другой уезд съездить может, там высватаю невесту за сына.

Угандей в тот день, когда богатеи посулился прийти, с утра переоделся в женское платье...

— Знаю, обо всём, что говоришь, наслышан, — начал Селендей, — потому и завёл об этом разговор. Есть у меня на примете невеста твоему сыну. Коли за калымом не постоишь, не поскупишься, так можно приниматься свадьбу играть да пир пировать. Свою работницу Сернюк, сестру Угандея, я, так и быть, из дружбы к тебе уговорю выйти замуж. Девушка она ладная, не сварливая, будет покорной женой и доброй невесткой.

— Только бы не стала она отказываться, а за калымом я не постою, — обрадовался сосед. — А нам к страде крепкие руки вот как нужны!

— Не пожалеешь полторы сотни, — оказал Селендей, — готовься к свадьбе!

Сосед перечить не стал. Тут же дал лавочнику полтораста рублей, и через три дня принялись свадьбу играть.

Как только гости разошлись и остались молодые с глазу на глаз, невеста и говорит:

— Ой, что-то мне неможется! Пойду на улицу на минутку!

И вышла. А через малое время дверь приоткрылась, и в избе оказалась коза. Придурковатый жених в голос закричал:

— Чур меня, чур! Жену околдовали, в козу превратили!

А Угандей той порой сбежал в свою деревню.

На другой день как ни в чём не бывало он в своём обличье пришёл к Селендею и говорит:

— Принёс тебе долг, а ты верни сестру!

Лавочник перепугался и стал его уговаривать:

— Не сердись, Угандей, выслушай меня. Сестра твоя вздумала выйти замуж, не захотела батрачить. А вчера после столованья колдуны обратили Сернюк в козу. Мы и сами не знаем, что теперь делать.

— Знать не знаю я ваших жолдовских дел, — закричал Угандей, — получи с меня долг, а мне подавай мою сестру!

— Не шуми, Угандей! — уговаривает его Селендей и отец

жениха. — Может быть, найдём, колдуна посильнее и он сумеет расколдовать Сернюк. Криком делу не поможешь. Долг с тебя получать не стану. Сверх того мы со сватом дадим тебе ещё сто рублей, а сами найдём хорошего колдуна, он снова обратит козу в девушку.

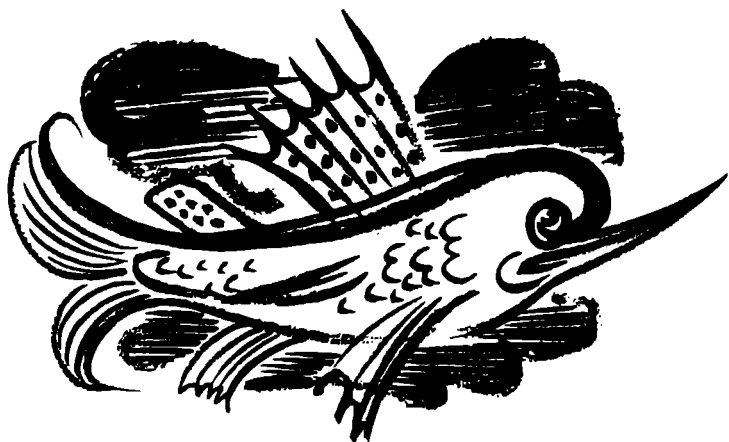
Взял Угандей деньги и увёл козу.

Много ли, мало ли прошло времени, встретил Селендей сестру Угандея и спрашивает:

— Как тебе удалось снова превратиться в человека?

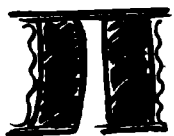
— Ой, не говори, — отвечала Сернюк. — Брат три уезда объехал, пока разыскал такого колдуна, который оказался сильнее тех, что меня в козу обратили. Нам это обошлось больше трёхсот рублей, и брат по суду хочет с тебя эти деньги взыскать.

— Зачем нам судиться? — стал просить жадный лавочник. — Я и без суда отдам ему эти деньги.

ДВА КУМА

оехал как-то раз в дальнее село на базар богатый мужик. Задержался он там и вспомнил, что в этом селе кум его живёт. «На постоялом дворе за постой надо платить да коню сена купить», — думает.

И заехал к куму.

Кум с женой приняли гостя радушно, угостили на славу.

На другой день поднялась такая метель — свету не видно. Принялись хозяин с женой гостя уговаривать:

— Повремени, куманёк дорогой, погости, покуда непогода пройдёт!

Метёт выюга день, другой и третий. Богатый мужик думает: «Вот бы на постоялом дворе такая непогода застала, околько денег пришлось бы потерять, а тут конь в тепле и сам в холе. Худо ли?»

На четвёртый день унялась метель, запряг гость коня, стал с хозяевами прощаться:

— Спасибо за хлеб-соль, за угощение! Через неделю моя жена именинница. Приезжайте к нам в гости!

Через неделю в назначенный день приехали званные гости. Выбежал богатей на двор гостей встречать, а приезжий

кум, глянув в окно, успел заметить, как хозяйка поспешно убирала со стола угощение: челяк с медовым пивом поставила на печь и прикрыла полотенцем, тарелку с блинами сунула в печь, четверть водки спрятала на кровати и прикрыла периной, а сваренную баранью голову на блюде запихнула под печь. Спрятала всё и дверь открыла, с поклоном гостей встретила:

— Вот спасибо, что не побрезговали, приехали, желанные гости! А мне, как на беду, занедужилось, и не успели ни с чем управиться, не обессудьте, коли что не так. Постных щей кое-как сварила и хлебы испекла. Голодными не отпустим!

— Вот ведь какая вышла незадача, — поддакивает хозяин, — так ли бы следовало принять тебя, куманёк дорогой, коли б не эта напасть!

А приезжий кум раздевается и говорит:

— Это всё ничего, лишь бы хозяйка скорее поправилась. А вот мы дорогой страху натерпелись — век не забыть.

— Что же с вами приключилось? — спросили хозяева.

— Да вот когда ехали сюда, — стал рассказывать гость, — увидели мы с женой страшного змея! Лежал он возле самой дороги и шипел так, как ваша медовуха на печи! А глаза у змея горели и сверкали, точно ваша четверть с водкой под периной! Схватил я большущий камень — не меньше, чем баранья голова у вас под печкой, — и так ударил змея по голове, что она расплющилась, ни дать ни взять, как блины, что у вас в печи!

Нечего делать скупым хозяевам, пришлось всё угощение на стол поставить.

ДЕНЬГИ

Иногда-то давным-давно шли путём-дорогой деревенский торговец со своим приказчиком. Дошли до развилки и задумались. Не знают, по какой дороге лучше идти. В ту пору заметили старика дровосека недалеко и спрашивают:

— Скажи, добрый человек, по какой дороге в город идти?

— Обе дороги в город ведут, — отвечал дровосек. — Та, что вправо лежит, попрямее, покорооче будет. Боюсь только, как бы не попался вам жёлтый змей. Если встретите змея, он вас погубит. А коли по другой дороге пойдёте, немного подалее будет, но зато худого ничего не встретите. Так что мой совет такой: ступайте по дороге, что влево от вас.

И ушёл старый дровосек, а торговец с приказчиком стоят и так и этак прикидывают.

— Солнышко невысоко, — говорит купец, — а идти не близко. Если по окольной дороге пойдём, придётся нам в лесу ночь коротать.

— Чем в лесу ночевать, — сказал приказчик, — лучше пойдём по той дороге, что вправо лежит, скорее в город попадём.

— Твоя правда, — согласился торговец. — А коли и

встретится жёлтый змей, о коем старик сказывал, неужто мы вдвоём не отобьёмся?

И тронулись в путь по прямой дороге. Шли, шли и увидели близ дороги поваленный бурей старый дуб с огромным дуплом, а в том дупле полным-полно золота.

— Эге-е! Обмануть нас старик захотел! — закричали в один голос приказчик с хозяином. — Нашёл клад, а унести столько золота не в силах. Не иначе как за лошадью пошёл, а нам наплёл с три короба про жёлтого змея!

И тут же принялись делить клад на две равные части.

Когда делёж закончили, торговец сказал:

— Тут столько золота, что всё равно нам не унести. Ты моложе, тебе и придётся в город сходить. Купишь там лошадь да телегу, а я останусь клад стеречь.

Приказчик перечесть не стал, взял у хозяина деньги и ушёл в город. Купил там лошадь с телегой, прихватил две бутылки вина и задумался: «А что, если в одну бутылку отравы подсыпать да тем вином хозяина попотчевать — всё золото мне одному и достанется». Так и сделал. А торговец тем временем, глядя на золото, места себе не находил от жадности:

— Эх, пошёл бы я в путь один — всё это богатство мне одному бы и досталось!

И пало ему на ум: «Место здесь глухое... Когда погрузим золото на телегу, убью его, схороню, никто не узнает. Потом грех замолю».

Рано утром приехал приказчик и говорит:

— Я вина привёз, может, выпьем?

— Выпить можно, — отвечает хозяин, — вот только сперва золото на подводу погрузим.

Денег набралось два тяжёлых мешка. Насилу подняли на телегу. Торговец выбрал такую минуту, когда приказчик воз завязывал, убил его и закопал в лесу. «Теперь можно и выпить», — вспомнил он о вине. Выпил отравленного вина и умер. Так и погубил жёлтый змей торговца с приказчиком.

ТАКОЙ УЖ ПОРЯДОК

Было у старика три сына. Средний да старший уже женатые. Настала пора и младшего сына женить. Присмотрели в соседней деревне невесту. Сама девушка — красавица из красавиц, а выросла в семье ленивой, нерадивой. Работать не охотница, всё бы ей наряжаться да красоваться. Жениху Плагги (так звали красавицу) по сердцу пришлась.

— Других невест не ищите, — сказал жених родителям, — кроме Плагги, мне никого не надо.

Подумали, подумали отец с матерью, прикинули так и сяк. Наконец старик заговорил:

— Делать, видно, нечего, станем Плагги сватать, коли она сыну полюбилась. Не на́ день ему жена, а на всю жизнь. У нас такой порядок, что, глядишь, и Плагги к работе приохотится.

Высватали красавицу Плагги, свадьбу сыграли, пир отпировали.

Рано утром все три сына и старшие снохи ушли на работу. Старик свёкор на пасеку отправился, а свекровь по дому стала хозяйничать.

Плагги принарядилась, прихорошилась, вышла в сад и весь день в тени просидела.

Вечером, когда все воротились домой, старик стал спрашивать:

— Сынки, вы чего сегодня делали?

— Пни корчевали, как ты велел.

— Ну, а вы, сношеньки, чем занимались?

— Мы лён пололи, — ответили старшие снохи.

— Я на пасеке был, старуха по дому управлялась, а ты, сношенька, чего делала? — спросил старик молодуху.

— Жарко сегодня было, — пробурчала Плагги, — я в саду сидела, платок вышивала.

Ничего на то старик не сказал, а как сели ужинать, сыновьям да старшим снохам вдоволь хлеба, мяса и рыбы дали. Перед Плагги поставили только тарелку с жидким супом. Все наелись досыта, а молодуха вышла из-за стола голодная.

На другой день, когда снова все ушли на работу, Плагги принялась свекрови помогать по дому управляться. Вымыла полы, прибрала посуду, накрыла стол чистой скатертью.

Вечером старик опять стал у всех выспрашивать:

— Чего сегодня, сынки, делали?

— Дорогу поправили да мост починили.

— А вы, сношеньки, чем занимались?

— Просо пололи, — ответили средняя да старшая.

— Ну, а ты, Плагги, чего делала?

— Я по дому убиралась, матушке пособляла, — ответила молодуха.

За ужином всех кормили досыта. Плагги в этот раз, кроме тарелки супа, дали ломоть хлеба.

Утром на третий день Плагги вместе со старшими снохами пошла на работу. Вечером, когда вся семья собралась, старик спросил:

— Чего, сынки, сегодня поделывали?

— Пары перепаживали, как ты приказывал, — ответили сыновья.

— А вы, сношеньки, чем похвалитесь?

— Мы семена сортировали.

— Ну, а ты, молодушка, чем занималась?

— Так ведь она с нами работала, — сказала старшая сноха, — и до того старалась, что нам и не угнаться было за ней.

Когда сели ужинать, перед Плаги и щи жирные дымилась, и пирог, как у всех, и каши полная тарелка.

С тех пор Плаги первая уходила на работу, а последняя домой приходила.

Осенью урожай выдался на славу. Весь хлеб вовремя убрали, намолотили — закрома ломаются. О многом Плаги передумала за лето, многому в семье мужа научилась.

В ту пору и пришёл отец Плаги к ним в гости, навестить дочку. Старик свёкор в это время веники вязал, мётлы на зиму заготавливал в сарае. А Плаги увидела в окно своего отца, выбежала ему навстречу и проговорила:

— Отец! Если хочешь, чтобы тебя принимали у нас с почётом, помоги свёкру мётлы вязать, и будешь ты в нашей семье дорогим гостем.

Удивился отец, а перечить дочери не стал. Пошёл в сарай к свату, а тот ему и говорит:

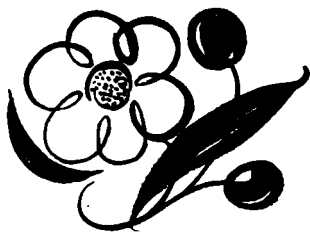
— Шёл бы ты, сват, в избу, я и один тут управлюсь.

— Управиться-то ты справишься, а вдвоём поскорее дело закончим. К тому же время к обеду идёт, а у вас в доме, как я слышал, тому и почёт, кто при деле.

— Что верно, то верно, такой уж у нас порядок, сваток, — ответил хозяин.

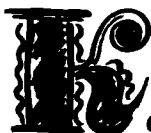
Вдвоём они скоро с делом управились. Потом отца Плаги угостили на славу. Пошёл сват домой веселёхонек и всю дорогу повторял:

— Такой уж порядок, такой уж порядок!

ВОЛК И СОБАКА ДА КОШКА С МЫШКОЙ

огда-то в старину волк, собака, кошка и мышка жили, говорят, очень дружно.

Но вот как-то раз побежал волк к звериному царю и стал жаловаться:

— Живу я хуже всех, не знаю, как кормиться. Иной раз по неделе крошки во рту не бывает. Научи, как жить, чем кормиться?

Звериный царь подал волку бумагу.

— Тут всё написано, как тебе жить и чем кормиться. Храни её, и ты всегда будешь сыт, коли станешь поступать так, как говорится в этой бумаге.

Бежит волк с бумагой и думает: «Хорошо, что звериный царь дал мне эту бумагу, а где я стану хранить её? У меня ведь нет своего постоянного угла. Отдам эту бумагу на сохранение собаке. Живёт она на хозяйском дворе, есть у неё своя конура, чего ещё лучше?»

Прибежал волк к собаке и говорит:

— Дал мне звериный царь бумагу. Прописано в ней, как

мне жить, чем кормиться. Боюсь, как бы мне не потерять. Возьми на сохранение.

— Что ж, — сказала собака, — давай твою бумагу, будет в сохранности.

А когда волк убежал, задумалась собака: «Ох, что я, глупая, наделала! Ведь день-деньской я бегаю на дворе да на улице. Не сидеть же мне из-за этой бумаги весь век в конуре! Лучше отдать её кошке. Всё равно она целыми днями полёживает на печке. Пусть она и хранит волчью бумагу».

В тот же день встретила кошку и отдала ей бумагу:

— Утром волк прибежал, оставил у меня какую-то бумагу, велел хранить. А ты знаешь, я целыми днями в своей конуре не бываю. Боюсь, как бы не потерялась эта бумага. У тебя она сохраннее будет.

Принесла кошка бумагу в избу, сунула в печурку: «Пусть там лежит!» А потом пало ей на ум: «Не пропала бы куда из печурки бумага. Хозяева там то чулки, то варешки сушат. Потеряется, а после отвечай!»

Схватила бумагу и побежала к мышке:

— Принёс волк бумагу на сохранение, а собака боится, дескать, может пропасть в конуре. Мне, сама знаешь, схранить в надёжном месте тоже негде. У тебя укромных уголков много, тебе легче бумагу сохранить!

— Отчего не сохранить? — ответила мышка. — Уберу вот в этот закуток, и пусть там лежит.

И унесла бумагу в свою норку.

Много ли, мало ли прошло времени, прибежал волк к собаке:

— Давай поскорее бумагу! Есть хочу, надо прочитать, чего мне делать.

— Ах, какая досада! Ведь я её кошке передала: у неё сохраннее, — сказала собака и побежала искать кошку.

— Не посмела я держать в избе бумагу, — призналась кошка собаке, — отдала мышке. Сейчас принесу!

И кинулась в подполье к мышке:

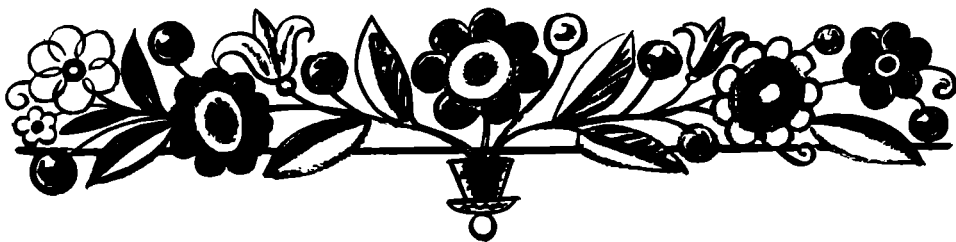
— Волк прибежал за бумагой! Где она у тебя? Дай скорее!

Сунулась мышка в норку. Смотрит, а от бумаги только мелкие клочки валяются: мышата играли и всю её изгрызли, порвали да по норке разметали.

Вот с той поры и пошла между ними вражда.

Волк возненавидел собаку, собака — кошку, а кошка — мышку.

САРЫЧ И ВОРОНА

Сарыч рассказывает, будто в стародавние годы на земле не было ни капли воды. Людям и всякой твари очень туго тогда приходилось. Пили только дождевую воду. А когда не было дождей, все страдали от жажды, тяжко мучились и умирали.

Люди, звери и птицы рыли землю, старались до воды докопаться, но никому это не удавалось.

Сарыч не отставал от других и тоже принялся искать воду. Он семь дней и семь ночей без отдыха долбил землю своим сильным клювом. На восьмые сутки пробился в яме ключик, чистый и прозрачный, как журавлиный глаз. Сарыч обрадовался, вволю напился прохладной, вкусной воды. «Вот очищусь от грязи, — подумал он, — и полечу, расскажу всем о своей находке».

А в это время пролетала мимо ворона. Она увидела ключик, вымазалась в грязи, будто и она копала землю, заторопилась и полетела.

— Кар-р! Кар-р! — закричала ворона человеку. — Я нашла воду!

— Век твоей услуги не забуду, — ответил ей человек. — Отныне ты будешь жить безо всяких забот. Всегда на всём готовом и никогда ни в чём не станешь нуждаться.

Только что успела ворона улететь, как появился чисто прибранный сарыч. Он радостно заговорил:

— Семь дней и семь ночей, не смыкая глаз, безо всякого отдыха я трудился, копал землю и докопался до родника чистой, прохладной и вкусной воды!

— Зачем говоришь неправду! — сердито сказал человек. — Не ты, а ворона добыла воду. Она сейчас была у меня с этой доброй вестью, и за это доброе дело я уже наградил её. Отныне она будет жить без нужды и заботы. А ты, который вздумал присвоить себе заслугу другого, никогда не будешь пить воду из родника, отрытого вороной, а станешь утолять жажду, как и раньше, только дождевой! Кш-ш, обманщик!

После того сарыч много раз пытался рассказывать, что родник с ключевой водой отрыл он, но никого убедить не мог.

И говорят, что с тех самых пор сарыч никак не может пить воду ни из какого источника, а утоляет жажду только дождевой водой. Вот почему, когда нет долго дождя, он летает и жалостно кричит:

— Во-оды! Во-оды!

А ворона перед дождём только и знает, что во всё горло каркает:

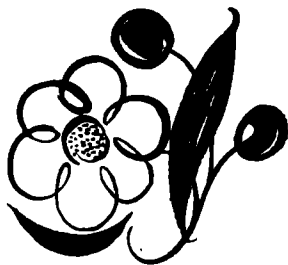
— Кар-раул, не надо! Кар-раул, не надо!

СОДЕРЖАНИЕ

Юман-батыр	7
Кехермен-кетил	22
Альдюк . . .	28
Солдат Иван	32
В Стране Светлого дня	42
Батыр и Чиге-хурсухал . . .	52
Про девушку и про ужа . . .	67
Откуда Волга началась	76
Питахир и Янзихире	81
Девушка на луне . . .	92
Счастье	94
Три брата	100
Кукла.	106
Угандей и Селендей .	110
Два кума	115
Деньги . . .	117
Такой уж порядок	119
Волк и собака да кошка с мышкой	122
Сарыч и ворона	125

Для начальной школы

ЧУВАШСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Ответственный редактор *Р. Д. Кафриэллц.* Художественный редактор *Н. И. Комарова.* Технические редакторы *Г. В. Лазарева* и *Г. Г. Стан. К.* ректоры *В. К. Миригоф* и *З. С. Ульянова.*

Сдано в набор 3/VII 1974 г. Подписано к печати 11/XII 1974 г. Форм 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 6.

Тираж 150 000 экз. Заказ № 135. Цена 52 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СС Росглавполиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-ле Октября, 46.